

05,4

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЪ

**Театръ
и
Искусство**

Съ доставк. и перес. на
годъ 7 р., на полг. 4 р.
Отд. №№ продаются по
20 к. Объявл.—30 к. со
стр. пет.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ
Моховая, 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печниковой.
Рукописи, доставл. безъ обознач. гонорара,
считаются бесплатными.

Мелкія рукописи не сохраняются.
Телефонъ ред. № 1669.

Искусство

1903 г. VII годъ изданія. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 19 Января.

СОДЕРЖАНІЕ: Наше нотоиздательство.—Замѣтка.—Страничка изъ исторіи народнаго театра. *И. Соколова*.—Памяти В. Р. Шемаева. *Ник. Арбенина* и *В. Б.*—Хроника театра и искусства.—Письма въ редакцію.—Изъ Москвы. *Н. Э-са*.—Театральныя замѣтки. *А. К-ля*.—Миніатюры. *С. Сутушина*.—Провинц. лѣтопись.—Объявленія.

Рисунки: «Генрихъ VIII» (4 рис.), «Бѣдный Генрихъ», «Двѣ страсти», Рисунокъ афиши маскарада въ пользу Т. О., «Монна Ванна» въ московскомъ театрѣ «Акваріумъ», Афиша «Пешно-

№ 4.

го дѣйства», «На днѣ», «Ломоносовъ» (2 рис.), Рафаэль Адельгеймъ (шаржъ), Г. Яновъ въ «Фринъ» (шаржъ).

Портреты: В. А. Неметти, † В. Р. Шемаева, В. М. Самуся.

Приложеніе: «Библіотека театра и искусства». Кн. 2—январь: «Жизнь треклятая», пов. *Любимова* (прод.), «Режиссеръ» *К. Галемана* (прод.), «Ориѣмъ» *И. Гриневской*, «По ту сторону сцены» пов. *В. Далматова* (прод.), «Бѣдный Генрихъ» пьеса *Т. Гаутмана*.

Продолжается подписка на 1903 годъ
НА ЖУРНАЛЪ

„Театръ и Искусство“
(VII годъ изданія).

52 №№ журнала.

24 книги „Библіотеки“, въ которыхъ будетъ помѣщено около
30 новыхъ пьесъ.

* Книжки (сброшюрованныя, въ обложкѣ) будутъ выходить около 1 и 15 числа каждаго мѣсяца.

2—3 выпуска „Словаря сценическихъ дѣятелей“.

12 нотныхъ приложеній.

Подписная цѣна 7 р. годъ. 4 р. полгода.

* Разсрочка допускается на слѣдующихъ основаніяхъ
3 р. при подпискѣ и по 2 р. 1 апрѣля и 1 июня.

Адресъ главной конторы:

С.-Петербургъ, Моховая, 45.

Полные, со всѣми приложеніями, экземпляры
журнала за 1902 г. высылаются за 7 р., пересылка
за счетъ выписывающаго.

Выпуски словаря сценическихъ дѣятелей
(I—IX) для гг. подписчиковъ продаются за 2 руб.

С.-Петербургъ, 19 Января 1903 г.

Отсутствіе литературной конвенціи съ иностранными государствами создало у насъ обширную литературу перепечатокъ иностранныхъ музыкальных произведеній. Наши нотные издатели перестали печатать русскихъ авторовъ, считая это дѣломъ рискованнымъ, и занялись, главнымъ образомъ, перепечаткою произведеній, уже приобрѣвшихъ извѣстность за границею, а слѣдовательно, могущихъ разсчитывать на вѣрный сбытъ.

Но эксплуатація иностранныхъ авторовъ показав-

лась имъ недостаточной. При отсутствіи таможенныхъ пошлинъ на заграничныя ноты, все же былъ нѣкоторый рискъ, что публика предпочтетъ иностраннаго автора въ иностранномъ же изданіи. Надо было еще обезпечить себѣ выгодный и вѣрный сбытъ краденаго путемъ таможенной охраны. И вотъ, нотные издатели стали вопить о необходимости запретительныхъ пошлинъ, стремясь отнять у ограбленныхъ авторовъ послѣднее средство защиты ихъ справедливыхъ интересовъ. Очевидно, если къ болѣе дешевизнѣ русскихъ перепечатокъ, проистекающей отъ того, что русскій издатель свободенъ отъ обязанности уплачивать автору гонораръ, присоединится еще искусственное повышение цѣны иностраннаго изданія, то разница между стоимостью русскаго и заграничнаго изданій увеличится еще больше и отечественный потребитель будетъ отданъ въ полную кабалу русскому издателю. Отъ таможеннаго покровительства, поэтому, ожидалась неизреченная благодать для нашей нотной промышленности. Всѣ надѣялись, что въ этой сферѣ воцарится нѣкій рай. При тогдашнемъ увлеченіи протекціонизмомъ, трудно было добиться таможеннаго обложенія иностранныхъ нотъ и на ввозимыя изъ заграницы музыкальныя изданія установлена была высокая пошлина (по 4 р. 50 к. золотомъ съ пуда). Дѣйствительность, однако, не оправдала блестящихъ ожиданій. Дѣло въ томъ, что таможенная охрана, равносильная запретительнымъ мѣрамъ по отношенію къ иностраннымъ издателямъ, не могла устранить внутренней конкуренціи между русскими издателями. При свободѣ перепечатокъ, каждый русскій издатель спѣшилъ выпускать въ свѣтъ модныя иностранныя произведенія и вскорѣ обнаружилось перепроизводство со всѣми его послѣдствіями. Нотный рынокъ наводнялся русскими перепечатками и, ради успѣшнаго соперничества, загорѣлась отчаянная борьба, понизившая

Директоръ Театральной
Библіотеки
А. В. ДУНАЧАРСКОГО

цѣны до минимума. Дешевизна перепечатки не могла не отразиться и на цѣнахъ оригинальныхъ произведений. И здѣсь поневолѣ установились низкія цѣны, которыя едва окупали издателямъ стоимость производства. Мѣры, къ которымъ издатели стали прибѣгать ради конкуренціи,—какъ, напримѣръ, невѣроятныя скидки—внесли духъ растлѣнія въ нотную торговлю, которая съ этого момента стала быстро клониться къ упадку. Таковъ былъ первый неожиданный результатъ свободы „пиратства“ въ связи съ таможеннымъ покровительствомъ.

Но если въ изданіяхъ дорогихъ или не рассчитанныхъ на тщательность и внѣшнія достоинства изданія, таможенные пошлины вытѣснили съ русскаго рынка иностранныя ноты, то цѣли охраны оказались недостижимыми относительно заграничныхъ изданій дешевыхъ или—другая крайность—такъ называемыхъ *éditions de luxe*. Русскій потребитель предпочиталъ платить дороже, но за то имѣть дѣйствительно доброкачественныя изданія.

Яркій примѣръ мы видимъ на изданіяхъ заграничныхъ классиковъ. Полагаясь на запретительныя пошлины, какъ на каменную стѣну, нѣкоторые изъ нашихъ нотныхъ издателей выпустили европейскихъ классиковъ. Но эти изданія остались въ кладовыхъ русскихъ издателей, публика же, не взирая на дороговизну, продолжала покупать изданія Петерса, Литольфа, Брейткопфа и Гертля и т. д., отличающіяся недостижимымъ для русскихъ издателей совершенствомъ печати и превосходною бумагою. Опять-таки русскіе издатели ничего не выиграли отъ таможенной охраны, а налогъ всею своею тяжестью палъ на русскую публику, которой затруднено было пріобрѣтеніе музыкальной литературы. Но это еще не все. По мѣрѣ того, какъ русская музыка пріобрѣтала популярность за границею, иностранные издатели также занялись перепечаткою русскихъ произведений. Неожиданно для нашихъ издателей палка оказалась о двухъ концахъ и имъ пришлось вкусить на собственныхъ бокахъ плоды бушменской морали. Обкрадывающіе, они, въ свою очередь, стали обкрадываемыми. То, что имъ не могло внушить чувство нравственнаго долга,—теперь, безъ сомнѣнія, имъ подскажетъ интересъ кармана. Надо полагать, что теперь уже недалекъ день, когда русскіе издатели начнутъ вопить о необходимости конвенціи съ такимъ же жаромъ и усердіемъ, съ какимъ они раньше ее отвергали. Остается пожелать, чтобъ эта пора наступила какъ можно скорѣе. Установленіе литературной конвенціи желательно не только въ интересахъ нашего національнаго достоинства, не допускающаго свободы воровства, но и въ правильно понимаемыхъ интересахъ русской публики, издателей, русскихъ авторовъ и русской нотной промышленности.

Что касается нашего журнала, то мы ратовали за конвенцію съ самаго начала его существованія. Мы не будемъ повторять нашихъ доводовъ. Мы только ограничимся указаніемъ, что наши мотивы получили на практикѣ наглядное подтвержденіе. Теперь вопросъ утрачиваетъ свой спорный характеръ. Даже прежніе приверженцы литературнаго пиратства не рѣшатся болѣе отстаивать это сомнительное „право“.

Мы получили слѣдующее письмо:

М. г., г. редакторъ. Г. Бинштокъ далъ мнѣ для изданія пьесу «Слѣдствіе» Жоржа Анрію, которая шла у г. Корша; я отдалъ пьесу въ наборъ, какъ вдругъ г. Ленскій, служившій у Корша, предлагаетъ мнѣ купить у него эту пьесу въ количествѣ 50 экземпляровъ, писанную на мимеографѣ, и прибавилъ, что у него имѣется сколько угодно, хоть 200 экземпляровъ. Я сообщилъ г. Бинштоку въ Парижъ, и получилъ отъ него письмо, которое онъ проситъ послать Вамъ для «Театра и Искусства». Г. Ленскій—тотъ самый, который

распространялъ «Фею Капризъ». Готовый къ услугамъ П. А. Соколовъ-Жамсонъ.

Издатели пьесъ, такимъ образомъ, по прежнему остаются безъ всякаго огражденія со стороны гг. контрафакторовъ, упражняющихся на мимеографахъ. Къ свѣдѣнію г. Ленскаго, служившаго или служащаго въ театрѣ Корша, сообщаемъ, что у него очень опасное ремесло: контрафакція карается тюремнымъ заключеніемъ.

Ниже Н. О. Арбенинъ предлагаетъ почтить память В. Р. Шемаева учрежденіемъ стипендіи. Вполнѣ сочувствуя благой цѣли, мы открываемъ подписку на этотъ предметъ.

Въ капиталъ стипендіи имени В. Р. Шемаева поступило отъ:

А. Е. М.	100 руб.
Н. О. А.	5 „
Ред. журнала „Театръ и Искусство“	20 „



Страничка изъ исторіи народнаго театра.

Пишущему эти строки довелось ознакомиться съ двумя народными театрами: рождественскимъ (въ с. Рождественно, шлисельбургскаго уѣзда) и сестрорѣцкимъ (въ с. Сестрорѣцкѣ, петербургскаго уѣзда).

Судьба названныхъ театровъ поучительна, они вполнѣ заслуживаютъ того, чтобы остановиться на нихъ подробнѣе. По нимъ съ очевидностью можно судить, при какихъ условіяхъ народный театръ можетъ существовать и развиваться и когда онъ—явленіе случайное, преходящее.

Любопытно, что оба театра возникли по инициативѣ женщинъ-врачей: въ Рождественно—Е. К. Фовицкой (Витте) и въ Сестрорѣцкѣ—А. П. Серебряковой. На помощь г-жѣ Фовицкой-Витте пришелъ мѣстный землевладѣлецъ извѣстный благотворитель И. В. Рукавишниковъ, построившій для театра специальное зданіе. Это было въ 1894 г. Нѣкоторое время на новенькомъ зданіи красовалась знаменательная вывѣска съ надписью: «Народный театръ», нынѣ, увы, замѣненная другой, болѣе прозаической: «Трактиръ». Первые спектакли въ новомъ театрѣ ставились подъ руководствомъ Е. П. Карпова; репертуаръ былъ классически-серьезный: переигрвали почти всего Островскаго. Труппа на первыхъ порахъ была сплошь интеллигентная, пріѣзжавшая съ г. Карповымъ изъ Петербурга. Мѣстная публика валомъ повалила въ театръ, хотя всѣ мѣста были платныя. Театромъ заинтересовалась крестьянская молодежь. Г. Карповъ первый, кажется, сдѣлалъ попытку пополнять недостающихъ интеллигентныхъ исполнителей мѣстными силами; попытка эта настолько удалась, что вскорѣ явилась возможность поступать наоборотъ, т. е. пополнять мѣстныя силы пріѣзжающими (въ исключительныхъ случаяхъ).

Подъ руководствомъ и при участіи интеллигенціи театръ продержался нѣсколько лѣтъ, сталъ привлекать зрителей и изъ окрестныхъ деревень, но мѣстная труппа не могла сформироваться и театръ погибъ, какъ только покинула его внѣшняя помощь (г-жа Фовицкая-Витте перевелась въ другое мѣсто, И. В. Рукавишниковъ умеръ, а г. Карповъ всецѣло отдался Петербургу).

Такъ отцвѣлъ, не успѣвши расцвѣсть рождественскій театръ, хотя имѣлъ всѣ шансы на дальнѣйшее развитіе.

Сестрорѣцкій театръ возникъ при аналогичныхъ условіяхъ съ рождественскимъ, но развился при значительно особой обстановкѣ, свойственной исключительно Сестрорѣцку съ его заводскимъ населеніемъ.

Исторія Сестрорѣцка съ его оружейнымъ заводомъ до сихъ поръ работающимъ водяной силой созданной Петромъ Великимъ, вѣроятно всѣмъ извѣстна. Коренное населеніе мѣстечка, достигающее нѣсколькихъ тысячъ,—почти сплошь заводскіе рабочіе; женщины шьютъ перчатки для Петербурга; образованіе молодежи получаетъ въ земской школѣ и частью въ церковно приходской. Въ 1896 г. въ селеніи открыта народная библіотека читальня, помѣщающаяся въ специальномъ зданіи съ зрительнымъ заломъ. Читальней завѣдуетъ особый совѣтъ. Въ общемъ Се-

тербурга, и частью мѣстные любители-интеллигенты изъ числа заводской администраціи.

Было время, когда и сестрорѣцкій театръ, подобно рождественскому, едва не погибъ, такъ какъ мѣстная интеллигенція охладѣла къ нему. Но онъ сохранился благодаря особенностямъ мѣстной жизни, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, но рѣзко видоизмѣнился. И нынѣ онъ представляетъ весьма интересный моментъ.

Новая эра для сестрорѣцкаго театра началась въ 1899 году, когда организаторы спектаклей (совѣтъ читальни то-же) рѣшили передать театръ всецѣло «народу». Это свое рѣшеніе совѣтъ мотивировалъ такъ: «Совѣтъ читальни принимая во вниманіе измѣнившіяся условія (?), рѣшилъ привлечь

—❧ МОСКОВСКІИ МАЛЫИ ТЕАТРЪ. ❧—



Генрихъ VIII.—Герцогъ Букингамъ идетъ къ мѣсту казни. (Актъ II, сцена III).
(Набр. М. А. Демьянова).

строрѣцкъ производитъ впечатлѣніе довольно оживленнаго посада съ волостнымъ управленіемъ. Въ названной читальнѣ, подѣ сѣнью ея устава, и нашелъ себѣ пріютъ сестрорѣцкій народный театръ. Первый спектакль былъ поставленъ въ 1896 г. подѣ руководствомъ артиста императорскихъ театровъ г. Шеина. Репертуаръ и здѣсь былъ классическій; кромѣ драматическихъ представленій, здѣсь отрывками давались оперы при участіи хора подѣ управленіемъ артиста императорскихъ театровъ г. Полякова. Успѣху здѣшняго театра много содѣйствовала и заводская администрація, видѣвшая въ театрѣ хорошее средство для отвлеченія рабочихъ отъ другого рода развлеченій.

Первый годъ спектакли весьма усердно посѣщали и заводская администрація и мѣстная «знать», богатые торговцы; первые ряды всегда были абонированы. Сборъ со спектаклей поступалъ въ пользу читальни-библіотеки и вначалѣ достигалъ значительныхъ размѣровъ. Артистическія силы всѣ были пріѣзжія, заправскіе артисты и артистки изъ Пе-

къ участію въ спектакляхъ и концертахъ исполнителей изъ среды народа. Это даетъ совершенно другой характеръ (?) всѣмъ развлеченіямъ, даваемымъ въ залѣ читальни *).

«Измѣнившіяся условія» заключались въ томъ, что доходность отъ спектаклей съ 479 руб. за первый годъ упала до 227 руб. въ слѣдующемъ году. По поводу этого упадка доходности совѣтъ разсуждалъ: «Трудно сказать, въ чемъ скрылась тутъ причина; по всей вѣроятности въ первомъ году спектакли и концерты привлекали новизной своей, прелесть которой съ теченіемъ времени стала пропадать».

Мы увидимъ ниже, что причина упадка доходности отъ спектаклей крылась вовсе не въ упадкѣ интереса къ спектаклямъ въ населеніи.

На мѣстѣ, можно сказать, выдохшагося совѣта тотчасъ же возникла новая организація—образовался мѣстный театральный кружокъ изъ рабочей

*) Отчетъ совѣта читальни за 1899 г.

молодежи съ рабочимъ же (А. П. Травинимъ) во главѣ. Измѣнилась администрація, и дѣла театра сразу же приняли другой оборотъ. Дѣло снова оживилось, поднялась и доходность отъ спектаклей съ 227 рублей, какъ было то въ послѣдній годъ управленія театромъ совѣтомъ читальни, до 412 руб., т. е. всего на 67 руб. менѣе того, что давали спектакли и концерты въ то время, когда «прелесть новизны» спектаклей еще не пропадала. Очевидно, дѣло не въ упадкѣ интереса въ населеніи къ спектаклямъ, а совсѣмъ въ другомъ. Въ населеніи можетъ жить огромная потребность въ театральныхъ зрѣлищахъ и все-таки театръ можетъ пустовать—по причинѣ ли дурной постановки или недостатка средствъ у мѣстной публики.

Надо думать, что сестрорѣцкій театръ снова пошелъ въ гору потому главнымъ образомъ, что съ переходомъ въ руки рабочей молодежи, онъ пересталъ быть затѣй интеллигентныхъ любителей и сталъ народнымъ дѣломъ. Правда, репертуаръ его рѣзко измѣнился: вмѣсто громоздкихъ пьесъ молодежи стала ставить одноактные пьесы. сцены и картинки, большею частью веселаго характера или «сильно чувствительныя» мелодрамы и лишь изрѣдка пытались давать Островскаго и Гоголя («Женитьба»); но что же дѣлать, если молодежь ищетъ въ театрѣ развлечения, а не однѣхъ нравоучительныхъ проповѣдей!.. Повседневная жизнь рабочаго довольно сѣра и буднична, чтобы брюзжать на народъ, что и онъ порой стремится отдохнуть, позабыться «въ чародѣйствѣ сладкихъ вымысловъ», какъ говорили старые романтики. Наконецъ, есть и еще одна, вполне законная, причина, почему сестрорѣцкій любительскій кружокъ не ставитъ громоздкихъ вещей: у рабочей молодежи, занятой повседневнымъ трудомъ, не достанетъ ни силъ, ни времени на приготовленіе ролей, ни средствъ на обстановку большой пьесы.

Сестрорѣцкую народную труппу собственно нельзя назвать и труппой въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Составъ ея постоянно мѣняется въ зависимости отъ постановки на театрѣ той или иной пьесы. Здѣсь рѣдко случается, чтобы одно и то-же лицо въ теченіи театральнаго сезона выступало въ нѣсколькихъ роляхъ; здѣсь исполнители подбираются къ ролямъ, а не наоборотъ, какъ это случается иногда на образцовыхъ сценахъ. Режиссеръ и начинаетъ съ того, что намѣтивъ пьесу, соотвѣтственно ролямъ подбираетъ и подходящихъ лицъ. Такимъ образомъ, почти для каждой пьесы составляется и новая труппа. И это, пожалуй, едва-ли не единственный разумный способъ постановки народныхъ спектаклей, гдѣ какъ мы уже замѣтили, невозможно имѣть постоянную труппу, способную играть всякія роли и въ любое время.

У сестрорѣцкой труппы свой декораторъ и костюмеръ, только парикмахеръ наемный. Все здѣсь простенькое, безъ затѣй! Да вѣдь и дѣло тутъ не въ обстановкѣ. Зритель изъ народа на сценѣ ищетъ людей, смысла, сюжета. Обстановка здѣсь дѣло послѣднее.

Любительскій кружокъ въ первый же годъ своего существованія далъ цѣлый рядъ спектаклей съ диверсификаціею и танцами подъ рояль. Сборъ со спектаклей и нынѣ поступаетъ въ пользу читальни-библіотеки. Съ цѣлью обезпеченія большей самостоятельности, кружокъ выработалъ свой особый уставъ, который уже переданъ на разсмотрѣніе подлежащаго вѣдомства. Вообще можно думать, что дѣло сестрорѣцкаго театра, если даже проектъ устава кружка и не будетъ утвержденъ, вполне наладилось, и театръ всталъ на твердую почву.

Здѣсь невольно возникаетъ вопросъ: если сестрорѣцкій театръ крѣпнетъ, то почему же погибъ рождественскій или на оборотъ: если погибъ рождественскій, то что спасаетъ отъ подобной же участи сестрорѣцкій театръ? Вѣдь интересъ къ театру не ослабѣвалъ и въ селеніи Рождественно. Почему здѣсь мѣстная молодежь не организовала кружка любителей, не поддержала дѣла, налаженнаго интеллигенціею? Рождественскій театръ погибъ, какъ погибаютъ въ деревнѣ иногда земскія школы, читальни и т. п. благія начинанія интеллигенціи—погибаютъ въ непосильной борьбѣ съ роковымъ настроеніемъ современной деревни; театръ погибъ, потому что въ Рождественно, какъ во всякой другой обыкновенной деревнѣ, нѣтъ никакой мѣстной живой организации, которая объединяла бы населеніе на почвѣ духовно-общественныхъ и матеріальныхъ интересовъ. Отошла отъ театра интеллигенція, служившая центромъ морально-интеллектуальныхъ интересовъ деревни, и театръ распался по всѣмъ швамъ.

Иное дѣло въ Сестрорѣцкѣ. Правда, и здѣсь нѣтъ широкихъ общественныхъ организаций, но здѣсь есть духъ товарищества среди рабочей молодежи, наконецъ читальня-библіотека, подъ фирмой которой по сію пору ставились спектакли; кромѣ того, здѣсь есть общественная пожарная дружина, касса взаимопомощи на случай смерти. Все это до известной степени сплачиваетъ молодежь.

Другое, что особенно содѣйствовало упроченію народнаго театра въ Сестрорѣцкѣ, это—могущественная заводская администрація, все время покровительствующая театру въ его борьбѣ съ разными препятствіями и формальными затрудненіями. Вѣское слово «генерала», директора завода, умиротворяетъ всякаго рода «недоразумѣнія», возникающія напримѣръ, на почвѣ охраненія народной нравственности, тишины и порядка. Обычная деревня совершенно лишена подобной «генеральской» защиты.

Чтобы составить хотя нѣкоторое представленіе о претензіяхъ мѣстныхъ «нотаблей», приведемъ здѣсь два-три трагикомическихъ случая въ одномъ изъ народныхъ театровъ. Всякая мѣстная знать прежде всего требуетъ себѣ отъ устроителей спектаклей особаго «почета» и «уваженія». Къ подобнаго рода «почету» и уваженію особенно склоненъ прекрасный полъ. Въ зрительный залъ величественно приходитъ дама въ перстняхъ, минуя кассу. Контролеръ съ изысканной вѣжливостью предлагаетъ дамѣ взять билетъ. Дама ужасно возмущается «дерзостью» контролера.

— Это еще что за новость?! метнула она.

— Никакъ нельзя... сдѣлайте милость... билетикъ... старался контролеръ. Дама гнѣвно прикрикнула!

— Намъ всегда должны быть мѣста!

Эта величественная дама жена писаря.

Другой случай. Приходить на танцы толстая «госпожа» хорошо одѣтая, и тоже направляется въ залъ, минуя кассу, скромно пріютившуюся у самаго входа.

— Будьте милостивы, возьмите билетъ, взмолился контролеръ.—Всего стоитъ 22 копейки.

— Я пришла на дочь посмотреть, возразила «госпожа», пыхтя и волнуясь.

— Все равно... билетикъ... — контролеръ загордился «госпожѣ» дверь. Та такъ и вскипѣла.

— Да вы знаете съ кѣмъ говорите?!

— Никакъ нѣтъ, прикинулся хитрый контролеръ незнайкой.

— Такъ знай впередъ: я жена старшины!..

Но едва-ли ни самое капитальное затрудненіе, тормозящее правильное развитіе народнаго театра, это — отсутствіе на рынкѣ разумно составленнаго

репертуара пьесъ и какихъ бы то ни было указаній по постановкѣ спектаклей. Именно отсюда главнымъ образомъ вытекаютъ и многія «недоразумѣнія» у режиссера съ мѣстной полиціей, какъ и то, что на народную сцену иногда попадаютъ недостойныя народной аудиторіи пьесы. Намъ кажется, что на обязанности нашей интеллигенціи лежитъ помочь въ этомъ отношеніи деревенскому режиссеру-самоучкѣ. Театральные и литературные кружки могли бы первые придти на помощь къ нему, издавъ, напримѣръ, сборникъ пьесъ для постановки на народномъ театрѣ съ изображеніемъ главнѣйшихъ персонажей пьесъ въ костюмахъ и т. п. *).

Нѣтъ сомнѣнія, что для интеллигенціи будетъ очень трудно завязать живыя сношенія съ народомъ въ указанномъ смыслѣ. Но вѣдь легко ничего не

Памяти В. Р. Шемаева.

Умеръ Василій Романовичъ Шемаевъ. Имя въ широкихъ театральныхъ кругахъ, быть можетъ, мало извѣстное. И это такъ понятно. Въ наши дни кричащихъ репутаций, Шемаевъ пребывалъ какъ-бы внѣ жизни: думалъ много о другихъ, заботился мало о себѣ. Но кто хоть немного зналъ эту свѣтлую личность, навѣрно, съ искренней грустью встрѣтитъ извѣстіе объ его смерти. «Кристалльный человѣкъ»—другого отзыва о Шемаевѣ не было. А между тѣмъ этотъ «кристалльный» человѣкъ полвѣка дышалъ нездоровымъ воздухомъ кулисъ, полвѣка посвятилъ артистической дѣятельности, этой исключительно нервной, полной превратности, неуловимыхъ оскорбленій работѣ... Остаться тутъ «кристалльнымъ», сохранить до глубокой старости незлобивость и свѣтлую отзывчивость сердца—знающіе театръ оцѣнятъ, какъ это рѣдко, какъ это не легко... В. Р. Шемаевъ—ветеранъ Императорскаго Александринскаго театра: въ будущемъ году предстоитъ

МОСКОВСКИЙ МАЛЫЙ ТЕАТРЪ.



М. Н. Ермолова. (Королева Екатерина).



К. Н. Рыбаковъ. (Генрихъ VIII).

Генрихъ VIII.

(Рис. М. А. Демьянова).

дѣлать. Проникаетъ же книга въ народъ... Съ учрежденіемъ въ деревнѣ мелкой самоуправляющейся организаціи (земской), сношенія эти могутъ принять вполнѣ правильную форму; въ настоящее же время лица, интересующіяся народнымъ театромъ, могли бы подать руку помощи деревенскимъ режиссерамъ-самоучкамъ черезъ посредство уѣздныхъ земскихъ управъ, народныхъ школъ, земскихъ врачей, народныхъ читателей, земскихъ гласныхъ и другихъ извѣстныхъ въ обществѣ частныхъ лицъ.

Составить разумный репертуаръ для народнаго театра и издать его со всѣми необходимыми поясненіями и рисунками—одно это уже окажетъ народному театру неоцѣнимую услугу. Появись такой сборникъ въ продажѣ и при доступной цѣнѣ, онъ найдетъ себѣ дорогу въ народъ и помимо указанныхъ нами путей. Онъ найдетъ сбытъ на общемъ книжномъ рынкѣ, къ услугамъ котораго все болѣе и болѣе начинаетъ прибѣгать деревенскій читатель.

И. Соколовъ.

*) Какъ на первую попытку подобнаго изданія, укажемъ на книгу «Народный театръ», изд. Попова и Лавровой, вышедшую 5—6 лѣтъ тому назадъ и которой, кажется, теперь уже нѣтъ въ продажѣ.

его 50-лѣтній юбилей. Жизнь покойнаго артиста не богата внѣшними событіями. Родился 29 января 1836 года. Внукъ въ свое время довольно популярнаго пѣвца, артиста Императорскихъ театровъ и сынъ скульптурнаго мастера—Василія Шемаева—получилъ воспитаніе въ петербургской театральной школѣ. Былъ выпущенъ въ 1854 г., пенсионеромъ училища съ жалованьемъ 10 руб. въ мѣсяцъ; дебютировалъ на Александринской сценѣ въ роли Фамусова, имѣлъ успѣхъ, игралъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ замѣтныя и ответственныя роли,—артисту сулили хорошую будущность. Но неожиданно приключается одинъ изъ многочисленныхъ театральныхъ инцидентовъ, и дальнѣйшая карьера Шемаева разбивается о желѣзную правду всеобщаго въ то далекое время режиссера Воронова. Получаетъ Шемаевъ, послѣ ряда удачно сыгранныхъ ответственныхъ ролей, роль «безъ ниточки», идетъ къ Воронову, проситъ освободить, взять роль. «Ролька не нравится, извольте освободу, передамъ другому». Шемаевъ роли не играетъ, но, рядомъ съ тѣмъ, въ теченіе года не играетъ и никакихъ ролей, (а получалъ онъ тогда уже, кромѣ жалованья, 5 руб. разовыхъ). По прошествіи же года, когда пьеса уже была снята съ репертуара, Вороновъ ровно черезъ годъ, число въ число, возобновилъ ту же пьесу—и снова послалъ ту же роль Шемаеву. Шемаевъ хотя на этотъ разъ роль и принялъ, но гнѣва начальства на милость не переимѣнилъ: хорошихъ ролей онъ больше не видѣлъ. И потянулись годы, тяжелые годы—разочарованія, вѣчной неудовлетворенности, обиды, невидимыхъ слезъ. Потомъ это улеглось, перегорѣло внутри—успокоился Шемаевъ, сталъ честно нести театральную службу. За 50 лѣтъ безпорочной службѣ

Шемаевъ дошелъ до оклада 1800 руб. При извѣстїи объ его смерти, одинъ изъ сослуживцевъ покойнаго мѣтко выразился „окладъ покойнаго—лучшее свидѣтельство его честности“.

Съ особой болью встрѣтитъ утрату В. Р. Шемаева Русское Театральное Общество. Здѣсь, этотъ мало обезпеченный артистъ Императорскихъ театровъ, никогда не служившій на частной сценѣ, неустанно трудился въ то время, когда Общество только создавалось, когда у него не было такой широкой популярности, какъ теперь. Шемаевъ вѣрилъ въ лучшіе дни Общества и работалъ, когда въ кассѣ для выдачи пособій, въ одномъ изъ засѣданій Совѣта, на удовлетвореніе двадцати поступившихъ прошеній о помощи, по свидѣтельству старѣйшихъ членовъ Совѣта, насчитывалось 3 р. 20 к. Въ теченіе 20 лѣтъ В. Р. Шемаевъ безвозмездно исполнялъ огвѣтственные и многосложныя обязанности казначея Общества, — опять-таки достойный, назидательный примѣръ общественнаго служенія.

И теперь, когда работники артистической семьи сплотились, благодаря тому Обществу, въ которомъ В. Р. Шемаевъ трудился со дня его основанія, дѣятели русской сцены, несомнѣнно, помянутъ добромъ неунынный трудъ этого безвѣстнаго, скромнаго ревнителя лучшей участи частнаго театра и его дѣятелей. Въ лѣтописи Русскаго Театральнаго Общества имя Шемаева должно остаться, — должно быть извѣстно каждому русскому актеру. Совѣтъ Общества, съ своей стороны, въ всякаго сомнѣнія, тѣмъ или другимъ путемъ воздастъ должное дорогой памяти почившаго В. Р. Шемаева. Я увѣренъ, что и русская артистическая семья, столь многимъ обязанная покойному, не замедлитъ отзываться на случай учрежденія стипендіи имени В. Р. Шемаева въ убѣжищѣ для престарѣлыхъ сценическихъ дѣятелей.

Доброму — да воздастся добромъ.
Ник. Арбенникъ.

Ниже читатели найдутъ описаніе похоронъ В. Р. Шемаева. Миѣ хотѣлось бы подѣлиться впечатлѣніями общаго характера, вынесенными отъ прекрасной рѣчи протоіерея В. Ф. Пигулевскаго, произнесенной въ кладбищенской церкви надъ гробомъ почившаго. Рѣчь эта для всѣхъ насъ друзей и сослуживцевъ покойнаго явилась приятнымъ сюрпризомъ. Еще наканунѣ А. Е. Мартыновъ, глубоко сожалея, въ бесѣдѣ съ нѣкоторыми изъ навѣстившихъ, что вслѣдствіе болѣзни не можетъ быть на похоронахъ, безпокоили между прочимъ и о томъ, скажетъ ли кто-нибудь надъ гробомъ дорогого ему В. Р. Шемаева хотя нѣсколько словъ, чтобы очертить свѣтлый образъ покойнаго. Дѣло въ томъ, что въ день погребенія была назначена репетиція „Ломоносова“ и почти всѣ товарищи умершаго артиста были заняты на ней, и А. Е. справедливо опасался, что мало кто изъ артистовъ явится въ церковь. А между тѣмъ, какъ искренно и тепло можно было бы говорить надъ гробомъ этого чуднаго человѣка и прекраснаго артиста тѣмъ, кто зналъ его.

Дѣйствительно, въ церкви почти никого изъ артистовъ Александринской сцены не было (кстати, неужели нельзя было отменить репетицію или назначить ее попозже ради такого исключительнаго случая, какъ погребеніе стараго, заслуженнаго и почетнѣйшаго члена артистической семьи?). Одна лишь М. Г. Савина, несмотря на нездоровье, представительствовала и за своихъ товарищей и какъ членъ Совѣта Русскаго Театральнаго Общества, проводивъ покойника отъ дома до могилы.

И вотъ, уже кончалась обѣдня, и казалось, сойдеть въ могилу В. Р. Шемаевъ безъ обычнаго послѣдняго „прости“ отъ общества и товарищей, какъ вдругъ съ церковнаго амвона, изъ устъ его духовника и до нѣкоторой степени товарища по службѣ, настоятеля театральнаго церкви протоіерея В. Ф. Пигулевскаго, раздалось столь прочувствованное, сердечное и умное надгробное слово, какое рѣдко приходится слышать. Изъ немногихъ словъ, просто и искренно прощаясь съ почившимъ отъ себя и всѣхъ друзей его духовный отецъ, знавшій его многіе годы.

Всѣ мѣста рѣчи о. Пигулевскаго были хороши: и то, гдѣ онъ рисовалъ В. Р. какъ добрейшаго и благороднѣй-

шаго человѣка, вѣрнаго своему дѣлу, и то, гдѣ онъ говорилъ о немъ, какъ о незамѣнимомъ по аккуратности, пунктуальности и высокой честности членѣ Совѣта — казначеѣ Русскаго Театральнаго Общества, прослужившемъ 17 лѣтъ, — и то, гдѣ онъ вспоминалъ о немъ, какъ истинномъ христіанинѣ, всею жизнью своею приготовившагося къ послѣднему часу, въ который такъ неожиданно застигла его смерть. Но особое значеніе для всѣхъ друзей театра имѣетъ то мѣсто рѣчи досточтимаго оратора, которое онъ посвятилъ роли театра и служенію покойнаго какъ сценическаго дѣятеля. Убѣжденно развивалъ о. Пигулевскій мысль, что театръ есть великая народная школа, служеніе коей глубоко почитено. Покойный В. Р. сознавалъ глубоко эту роль театра, говорилъ ораторъ — и вполне справедливо понималъ роль актера, какъ народнаго учителя правды и добра“.

Сильнѣйшее впечатлѣніе произвела эта рѣчь на слушателей, хорошо знакомыхъ съ исторіей театра. Давно ли нельзя было по великомъ Мартыновѣ отслужить панихиду у Александринскаго театра? Если церковь благословитъ и укрѣпитъ эти новые взгляды, то еще крѣпче можно вѣрить, что театръ въ близкомъ будущемъ станетъ на высокой пьедесталѣ въ народномъ сознаніи, а эти новыя идеалы и требованія поднимутъ и облагородятъ и самихъ артистовъ.

Нельзя было и придумать лучшаго прощанія съ благороднымъ духомъ покойнаго В. Р., какъ у могилы его такимъ образомъ помечать объ истинной роли и задачахъ театра, которому онъ вѣрою и правдою прослужилъ безъ малаго полвѣка. *В. Б.*

ХРОНИКА

театра и искусства.

12-го января, вечеромъ, панихиду по скончавшемся заслуженномъ артистѣ С.-Петербургской Императорской русской драматической труппы, почетномъ членѣ Русскаго Театральнаго Общества, членѣ Совѣта Общества В. Р. Шемаевѣ почтилъ своимъ присутствіемъ Августѣйшій Президентъ Русскаго Театральнаго Общества Его Императорское Высочество Великій Князь Сергій Михайловичъ. По окончаніи панихиды Его Высочество изволилъ милостиво обратиться ко вдовѣ покойнаго и высказать ей соболѣзнованіе по поводу понесенной ею и Обществомъ горестной утраты.

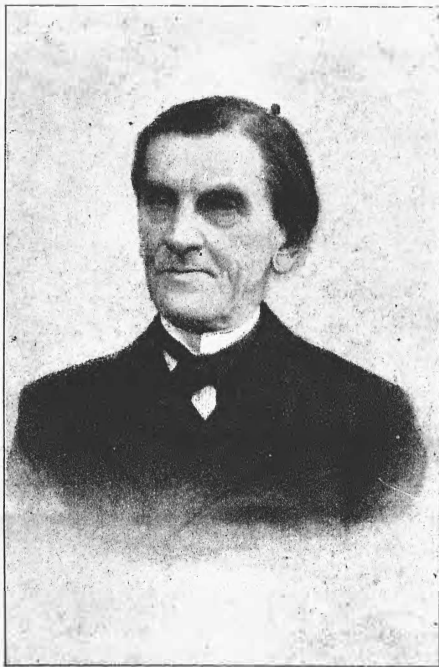
12-го января въ 3 часа дня въ помѣщеніи Совѣта Р. Т. О. была отслужена панихиды по почившемъ, въ присутствіи многочисленныхъ товарищей его, членовъ совѣта и служащихъ канцеляріи.

13-го января была отслужена панихиды въ Москвѣ, въ бюро Р. Т. О.

Выносъ тѣла покойнаго В. Р. Шемаева состоялся въ понедѣльникъ, 13-го января, въ присутствіи нѣсколькихъ изъ его товарищей по труппѣ, инспектора театральнаго училища и членовъ Совѣта Русскаго Театральнаго Общества съ М. Г. Савиной во главѣ. Представителемъ больнаго вице-президента Общества былъ товарищъ предсѣдателя Совѣта Я. А. Плющевскій-Плющикъ. По дорогѣ на Смоленское кладбище были отслужены литіи предъ помѣщеніемъ совѣта Русскаго Театральнаго Общества, предъ Театральнымъ училищемъ и Александринскимъ театромъ. При отиѣваніи законоучитель Театральнаго училища протоіерей В. Ф. Пигулевскій произнесъ прочувственное, краснорѣчивое надгробное слово.

* * *

Въ Воскресеніе, 12 января, за кулисами Малаго театра состоялось весьма сердечное чествованіе Е. П. Карпова, по случаю 20-лѣтія его литературной дѣятельности. Отъ артистовъ былъ поднесенъ адресъ, отъ служащихъ, прислуги, бутафоровъ и др. нѣсколько подарковъ, отъ публики, учительницъ воскресныхъ школъ — вѣнки и пр. Будучи лишень официальнаго характера, юбилей Е. П. Карпова выигралъ въ теплотѣ и искренности. На слѣдующій день вечеромъ въ ресторанѣ Лейнера состоялся ужинъ по под-



† В. Р. Шемаевъ.

пискѣ. Присутствовала вся труппа Литературно-Художественнаго театра, и нѣсколько авторовъ,—всего свыше 50 человекъ. Тостъ за Е. П. Карпова провозгласилъ М. А. Михайловъ, а за супругу Е. П. Карпова—З. В. Холмская. Отвѣтная рѣчь, Е. П. Карпова была очень прочувствованная и искренняя. Были получены привѣтствія отъ кн. А. Сумбатова, И. Ппажинскаго, В. С. Лихачева и др. 26 января въ Народномъ домѣ возобновляется пьеса Е. П. Карпова—„Тяжкая доля“.

* * *

Совѣтомъ Театральнаго Общества послано 200 рублей для вспомошествованія труппѣ В. Н. Киселевича. Въ труппѣ 31 человекъ. Изъ нихъ 17 членовъ Общества, и 13 заключили контрактъ черезъ московское Бюро. Какъ мы слышали, Совѣтъ предполагаетъ ходатайствовать о воспрещеніи г. Киселевичу заниматься антрепренерскою дѣятельностью.

* * *

Совѣтомъ Т. О. разосланъ слѣдующій циркуляръ:

Совѣтъ, во исполненіе постановленія Годового Общаго Собранія Членовъ Русскаго Театральнаго Общества, отъ 23-го Ноября 1902 года, имѣетъ честь уведомить о нижеслѣдующемъ: Общее Собраніе, утвердивъ единогласно предложеніе Ревизіонной Коммисіи о томъ, что „въ виду открытія и предстоящаго освѣщенія новаго зданія Убѣжища для престарѣлыхъ сценическихъ дѣтелей, столь много обязанаго любовной, безкорыстной и неунывающей дѣятельности А. Е. Молчанова, надлежитъ учредить при Убѣжищѣ стипендію имени А. Е. Молчанова, съ ежегоднымъ отчисленіемъ въ оную 1% со всѣхъ денежных поступленій въ кассу Общества“, вмѣстѣ съ тѣмъ, постановило, въ цѣляхъ скорѣйшаго пополненія капитала означенной стипендіи—довести о вышеизложенномъ до свѣдѣнія всѣхъ членовъ Общества, дабы весь русскій театальный міръ могъ тѣмъ или другимъ способомъ принять посильное участіе въ образованіи капитала имени А. Е. Молчанова.

* * *

† А. Н. Кудрявцевъ. Намъ пишутъ изъ Омска. Въ ночь съ 1 на 2 января умеръ артистъ Омской драматической труппы Алексѣй Назаревичъ Кудрявцевъ. Заболѣлъ онъ 28 декабря. Въ этотъ день онъ еще игралъ „Житова“ въ пьесѣ „Оболтусы-вѣтрогоны“. 29 онъ слегъ и черезъ 4 дня его не стало. У него оказалось крупозное воспаленіе легкихъ. Похоронили его 3 января. Соселъ въ могилу честный, скромный труженикъ сцены. А. П. Кудрявцевъ сынъ частнаго землевѣдѣ и таксатора, кончилъ гимназію, затѣмъ Лазаревскій институтъ, по окончаніи котораго поступилъ на государственную службу, въ акцизное правленіе. Находясь на службѣ, часто игралъ съ любителями, и такъ какъ начальство ему запретило играть съ актерами, то онъ подалъ въ отставку и поступилъ на сцену. А. Н. родился въ 1869 году. На сценѣ прослужилъ 7 лѣтъ.

А. Н. былъ режиссеромъ на Южской фабрикѣ (Владимірской губ.), выстроилъ театръ на этой фабрикѣ, прослуживъ режиссеромъ три года.

Миръ праху твоему, честный, скромный и добрый товарищъ! Режиссеръ Омской труппы Г. Невскій.

* * *

Маскарадъ въ пользу Театральнаго Общества (18 января),

состоялъ въ томъ, что разыграна была пьеска Л. Г. Яковлева „Сонъ Услады“.

Сцена представляла чудный южный, ночной пейзажъ. На мраморной скамейкѣ лежитъ Услава (Варламовъ). Слышится тихая музыка.

Услава (встаетъ, зѣваетъ, потягивается).

Ахъ, батюшки мои, какъ долго я проспала, Пожалуй, полдничать давно ужъ мнѣ пора... Какъ голова трещитъ! Признаться, я вчера Всю ночь напролетъ въ „Медвѣдѣ“ прогуляла.

(Охлаждается съ ужасомъ)

Ой! Что это? Какъ я сюда попала?... Не то Аквариумъ, не то Крестовскій садъ, Не то Аркадія, иль зимній садъ Эрнста... Деревья убранны цвѣтами, какъ невѣста,

И льется въ душу мнѣ весенній ароматъ...

А вѣдь вчера еще, отъ стужи замирая, На ванькѣ передрогнемъ я плелась.

И ванька ежился отъ холода, и я тряслась, Дыравой полостью колѣни прикрывая... Горѣли на углахъ костры; трещалъ морозъ; Въ башлыкъ городской свой красный пряталъ

носъ,

и т. д.

Кончаетъ свой монологъ Услава такъ:

Ухъ, какъ легко дышать! Въ такую ночь не грѣхъ бы приласкать Дружка сердешнаго... Ахъ, нѣтъ его со мной!

Является Италія, — очевидно, не въ особенно скромномъ костюмѣ, потому что цѣломудренная Услава возмущена:

Срамница!

Не знаю, право, та ли ты, али не та,

А только на тебя глядѣть мнѣ срамота,—

Замужней женщинѣ ходить такъ не годится!

Гдѣ охобенъ? Гдѣ кика?

Гдѣ фата?

Коса распущена, открыты руки, плечи...

Это тѣмъ, можно сказать, прискорбнѣ, что Италію (вспоминаемъ старинный каламбуръ—„ну и талія“) изображалъ г. Давыдовъ. Въ сознаніи своей неотразимости, онъ говоритъ.

О, гостя Сѣвера, суровая сестрица,

И горе слушать мнѣ тебя, и смѣхъ...

Скажи пожалуйста, нашла чего стыдиться!

Зачѣмъ мнѣ красоту мою скрывать?

Вотъ ручки нѣжныя, за тѣмъ чтобъ обнимать,

А плечи дивныя манятъ къ себѣ лобзанья...

Уста огнемъ горятъ, очей очарованье....

Кончаетъ Италія признаніемъ, что она влюблена:

Тебѣ землякъ, къ намъ пріѣзжалъ недавно, На старости влюбилась, такъ хорошѣ!

Услава.

А звать-то какъ?

Италія.

Шалапинъ Феденька.

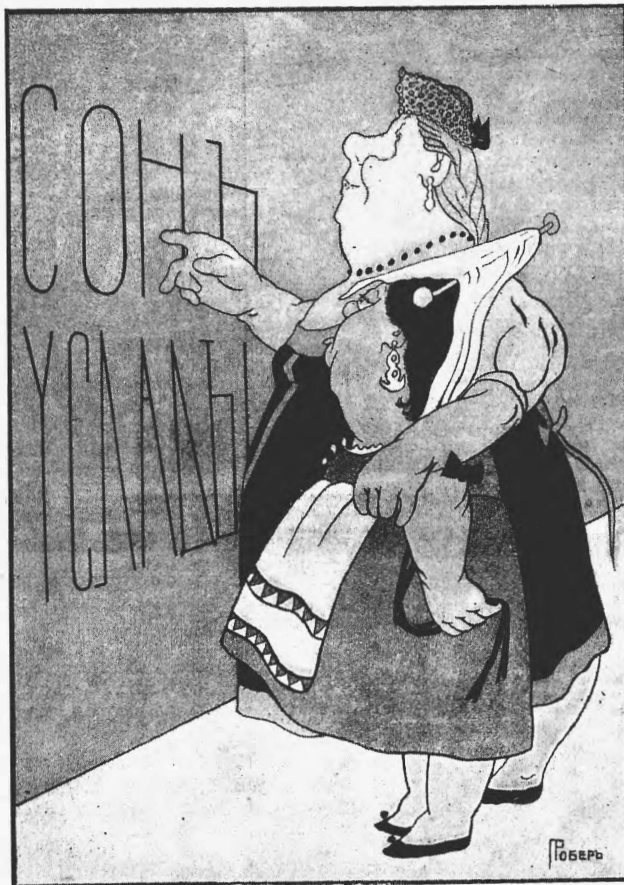
Услава проситъ затѣмъ показать, какъ любить земляки Италію.

Начинается пѣніе: сначала поютъ М. И. Фигнеръ и Н. Н. Фигнеръ, затѣмъ М. А. Михайлова и Л. М. Клементьевъ. Пѣніе смѣняется танцами, причемъ Услава, „создавшая домашнимъ строемъ“, замѣчаетъ

Ни слушать, ни смотрѣть на васъ мнѣ нѣтъ охоты...

Кружатся, прыгаютъ, ломаются, вивжатъ—

„СОНЪ УСЛАДЫ“.



Рисунокъ афиши.

Г. Варламовъ въ роли Услады.

Изъ пекла будто вырвалось стадо бѣсенятъ...
 Эхъ, милая, взглянула-бъ ты, какъ при честномъ народѣ
 Пройдетъ красна дѣвица павой въ хороводѣ...
 А пѣсни ваши—тъфу! Все про любовь...
 У насъ не то! Заговорила кровь:
 Эхъ, услышать бы звонъ родимой балалайки!
 Ахъ, Васенька Андреевъ, гдѣ ты, отвѣчай-ка...
 Развей тоску мою... Ахъ, гдѣ ты, отзовись!

Является Андреевъ. Хоръ балалаечниковъ играетъ русскія пѣсни. Усладъ послѣ того и совсѣмъ не въ могоу:

Охъ, заскучала я... Домой хочу скорѣе...
 Пусть лучше здѣсь, у васъ, красивѣй и теплѣе,
 Да дорогъ мнѣ суровый край родной...
 Охъ, скушно мнѣ, домой хочу, домой!

Сцена ярко освѣщается.
 Въ финалѣ появляется М. Г. Савина, изображающая Театральное Общество, и читаетъ прочувствованный монологъ.

О, братья бѣдные! Средь шумной суеты,
 Кто вспоминаетъ васъ въ дни горя и несчастья?
 Поблѣкшаго вѣнка опавшіе листы,
 Вы по вѣтру неслись, средь бури и ненастья;
 Немногимъ удалось вамъ въ дни мишурной славы
 На старость приобрести хоть бѣдный уголь свой;
 Какъ птицы жили вы, служба толпѣ забавой,—
 И старость подошла... Ну—что-жъ, иди съ сумой!
 Но пожалѣть васъ царь: державною рукою,
 Скитальцевъ ласково къ Себѣ Онъ поманилъ,
 И обездоленныхъ, застигнутыхъ грозою
 Онъ пріютилъ, одѣлъ и накормилъ,
 Онъ жизнь имъ возвратилъ. По царскому велѣнью
 Для стариковъ артистовъ выросъ домъ!..

И pour la bonne bouche Л. Г. Яковлевъ, авторъ этой „Услады“ на мотивъ изъ „Периколы“ поетъ:

Онъ подростетъ, онъ подростетъ,
 Союзъ нашъ Театральный!
 Хоръ подхватываетъ припѣвъ.

* * *

Въ среду, 15-го января, въ маломъ залѣ консерваторіи происходило чествованіе двадцатипятилѣтней педагогической



В. М. Самусь.

(Къ 25-лѣтію педагогической дѣятельности).

дѣятельности проф. Василія Максимовича Самуся. В. М. родился въ Петербургѣ въ 1848 г. Воспитывался онъ въ Спб. консерваторіи, которую окончилъ въ 1872 г. съ большою серебряною медалью по классу пѣнія. Всѣ 5 лѣтъ В. М. состоялъ личнымъ стипендіатомъ свѣтлѣйшаго князя Конс. Арк. Суворова-Рымникскаго, очень заинтересовавшагося красивымъ голосомъ молодого человѣка. По окончаніи консерваторіи В. М. былъ оставленъ младшимъ преподавателемъ. Съ 1882 года онъ утвержденъ старшимъ преподавателемъ, а въ 1886 году удостоенъ профессорскаго званія. По настоянію А. Г. Рубинштейна, В. М. въ 1889 году назначенъ инспекторомъ классовъ.

Многочисленные обязанности инспектора вынудили В. М.

отказаться отъ класса пѣнія, и въ настоящее время онъ завѣдуетъ лишь классомъ декламации для пѣвцовъ. Изъ многочисленныхъ учениковъ Василія Максимовича гг. Лабинскій и Григоровичъ служатъ въ настоящее время на Маріинской сценѣ, а г-жа Тамарова составила себѣ въ провинціи репутацію перворазрядной пѣвицы.

Чествованіе юбиляра носило задушевный характеръ. Гремѣли туши, говорилось много рѣчей, читалась цѣлая кипа телеграммъ. Особенно растроганъ былъ В. М. привѣтствіемъ одного изъ старѣйшихъ преподавателей консерваторіи, г. Рубца.

Преподаватели, ученики и служащіе консерваторіи поднесли юбиляру адреса и подарки. Закончилось чествованіе звучнымъ маршемъ ученика консерваторіи Крейна, написаннымъ специально для этого торжества. Nst.

* * *

Слухи и вѣсти.

— Н. И. Соболевъ-Самаринъ обратился въ Совѣтъ Т. О. съ просьбою дать отзывъ объ его антрепренерской дѣятельности, для представленія такого третейскому суду по дѣлу съ «Каз. Телегр.».

— На членскіе билеты Т. О. стали наклеивать 15 коп. гербовыя марки, взыскивая гербовый сборъ съ членовъ Общества.

— Первый контрактъ «на слово» (по телеграфу) заключенъ въ Московскомъ Бюро между Соб.-Самаринымъ и г. Двинскимъ.

— Получены тревожныя свѣдѣнія о состояніи здоровья А. В. Сухова-Кобылина, пребывающаго во Франціи.

— Артисты курской драматической труппы (дирекція И. В. Погуляева) пожертвовали въ пользу убожища для престарѣлыхъ сценическихъ дѣятелей свой дневной заработокъ 17 января, что составило 54 рубля 80 коп.

— Грибоѣдовская премія обществомъ драматическихъ писателей за истекшій годъ раздѣлена между тремя пьесами: «Мѣщане» — Горькаго, «Дѣти Ванюшины» Найденова, «Въ мечтахъ» — Немировича-Данченко.

— На-дняхъ артисты Александринскаго театра чествовали 20-ти лѣтіе службы полиціи-мейстера театра, г. Клечковскаго.

— Постановка «Зимней сказки» отложена до Пасхи.

— Въ Петербургъ пріѣзжаетъ польская труппа, которая дастъ въ залѣ Благороднаго собранія 5 представлений. Во главѣ труппы и ея артистическимъ директоромъ стоитъ польскій драматургъ-писатель Станиславъ Пшибышевскій. Весь репертуаръ состоитъ исключительно изъ произведеній Пшибышевскаго.

— Балъ-маскарадъ, устроенный въ пользу Общества крохотельства животнымъ 11-го января въ Маріинскомъ театрѣ, далъ 14,706 р. 70 к.

— Пьеса Отто Эрнста «Справедливость» (Die Gerechtigkeit), поставленная въ театрѣ Корша подъ названіемъ «Публицисты», появилась въ новомъ переводѣ г-жи Елизаветинской и г. Бабецкаго, которые сократили ея на 4 дѣйствія.

* * *

† В. Г. Григорьевъ. По словамъ «Русск. Сл.», въ Козловѣ 15 января скончался драматическій артистъ Василій Григорьевичъ Григорьевъ.

* * *

Московскія вѣсти.

— Въ бенефисъ М. М. Блюменталь-Тамариной въ театрѣ Корша была поставлена пьеса М. Г. Маро «Фокусъ». По словамъ «Русск. Сл.», «Фокусъ» — отнюдь не комедія; это — чистѣйшій фарсъ, мѣстами забавный, мѣстами пошловатый, а въ общемъ скучный. Комизмъ, главнымъ образомъ, заключается въ каламбурахъ. Положенія дѣйствующихъ лицъ нисколько не возбуждаютъ смѣха. «Русск. Л.», наоборотъ, находить: «Есть въ пьесѣ подробности, не лишенныя наблюдательности, есть и большая доза наивности; анализъ слабъ, а обрисовка характеровъ поверхностна.

— Недавно г. Южина постигла неудача. Въ «Риголетто» публика требовала повторенія одной изъ арій. Такъ какъ г. Южину ранѣе былъ объявленъ за биссированіе выговоръ, то онъ и отказался на этотъ разъ исполнить требованіе публики. Въ залѣ началась настоящая демонстрація. Раздались крики: «Вонъ!» «Долой со сцены!» «Довольно!» Артистъ, начавшій уже повтореніе, ушелъ за кулисы...

— Г. Лоло посвятилъ «Моннѣ Ваннѣ» шуточное стихотвореніе, изъ котораго извлекаемъ четверостишіе:

Ванна Монна, Ванна Монна,
 Монна Ванна, Монна Ванна,
 Ты немножко однотонна,
 Но для русской сцены—манна!

— Еще одна болѣзнь въ средѣ оперныхъ артистовъ. Заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ баритонъ Большаго театра Оленинъ,

— Въ Большомъ театрѣ выступилъ теноръ г. Барсуковъ, въздившій на средства дирекціи учиться за границу. Газеты привѣтствуютъ его, какъ «замѣстителя г. Собинова для нѣкоторыхъ партій лирическаго характера».

— Юбилейное чествованіе пьесы А. Н. Островскаго «Не въ свои сани не садись» въ Маломъ театрѣ началось рѣчью М. П. Садовскаго, изъ которой приводимъ нѣкоторыя выдержки:

«Я счастливъ, моя пьеса сыграна!»—писалъ авторъ; но не ему только этотъ день принесъ счастье, — счастлива была русская сцена, въ жизни которой наступила новая эра: правда, глубокая народная правда пришла на смѣну чужеземной лжи и не подкрашенная простота заставила потускнѣть мишурные блески вычурности.

«Цензура не разрѣшила «Банкрота» къ представленію, усмотрѣвъ вольнодумство въ томъ, что порокъ въ лицѣ Подхалюзина» оставался не наказаннымъ. Кромѣ произведенія,

турга. На лѣвомъ планѣ помѣстились съ лавровыми вѣнками гг. Боборыкинъ и Шпажинскій—отъ общества русскихъ драматическихъ писателей, гг. Южинъ и Иванцовъ — отъ художественно-литературнаго кружка, г. Кондратьевъ и артисты Малаго театра. Изъ группы артистовъ выдѣлилась М. Н. Ермолова. Въ залѣ все стихло. Артистка читаетъ посвященное памяти Островскаго стихотвореніе. Прочла М. Н. Ермолова съ большимъ подъемомъ. Оркестръ начинаетъ «славу», къ подножію колонны возлагаются вѣнки, и занавѣсъ быстро падаетъ. По требованію публики, не успѣвшей разглядѣть картины, занавѣсъ поднимаютъ еще. Въ глаза бросаются наиболѣе удачно поставленныя фигуры Грознаго, Лариссы и Паратова съ цыганомъ, Мурзавецкаго, Любима Торцова и еще нѣсколько типовъ.

* * *

Музыкально-драматическіе курсы Б. Поллакъ устраиваютъ въ четвергъ, 30 января, въ залѣ Благороднаго Собранія музы-

— § Н О В Ы И Т Е А Т Р Ъ . § —



«Бѣдный Генрихъ» (V актъ).

цензурѣ подверглась и личность автора,—онъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми сотрудниками «Москвитянина» былъ внесенъ въ списокъ лицъ неблагонадежныхъ.

Но этого было мало, явилось новое испытаніе на Островскаго, неожиданно обрушилось обвиненіе въ плагиатѣ; нѣкто Горевъ, состоявшій съ нимъ въ знакомствѣ и чуть-ли не занимавшійся перепиской «Банкрота» на-бѣло, выступилъ съ заявленіемъ, что пьеса написана имъ, Горевымъ, что Островскій сдѣлалъ въ ней кое-какія измѣненія и обманно выдаетъ за свою.

М. П. Садовскій закончилъ словами:

«Мы, русскіе актеры, и вы, русская публика, пришли сюда праздновать 50-лѣтіе того знаменательнаго дня, когда силою своего огромнаго таланта Островскій вызвалъ искусство къ новой жизни. Сознаемъ же всю важность, все великое значеніе этой заслуги передъ русскимъ обществомъ и преклонимся съ глубокимъ уваженіемъ передъ памятью великаго преобразователя нашей сцены!»

Далѣе была разыграна комедія. Въ спектаклѣ участвовали гг. Садовскіе, Никулина и гг. Рыбаковъ и Грековъ. Комедія прошла съ большимъ успѣхомъ.

Послѣ пятиминутнаго перерыва взвился занавѣсъ для апофеоза. На возвышеніи, въ центрѣ живописно расположенныхъ персонажей изъ различныхъ произведеній А. Н. Островскаго, на мраморной колоннѣ стоялъ бюстъ великаго драматическаго писателя.

кальный и оперно-драматическій вечеръ учащихся курсовъ. Программа состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣленій, при чемъ отведено должное мѣсто фортепіано, скрипкѣ, пѣнію и драмѣ. Исполняются будутъ сочиненія Массенэ, Вьетана, Бизэ, Беріо, Шопена, Бомы, Чайковскаго и др. Кромѣ того пойдутъ дуэты и сцена письма изъ оп. Евгений Онѣгинъ при участіи г-жи Р. В. Юркевичъ-Поллонъ, а также прологъ изъ оп. «Паяцы». Подъ руководствомъ артиста Императорскихъ театровъ Юр. Мих. Юрьева драматическимъ классомъ будутъ разыграны драма «Цѣпи» Сумбатова и комедія «Ночное».

* * *

Давно уже въ Петербургѣ не было такого выдающагося концерта, какъ устроенный 12 января въ пользу андижанцевъ. Въ одинъ вечеръ на эстрадѣ Дворянскаго Собранія блистало такое созвѣздіе европейскіхъ знаменитостей, какъ г-жа Литвинъ, гг. Гофманъ, Кубеликъ и Ванъ-Дейкъ,—знаменитостей, изъ которыхъ обыкновенно каждый въ отдѣльности привлекаетъ полный залъ слушателей. Кромѣ того, игралъ чудный Придворный оркестръ, выступающій такъ рѣдко въ условіяхъ концертной обстановки. Нечего и говорить, что билеты брались нарасхватъ и задолго до концерта всѣ мѣста были распроданы. Залъ Дворянскаго Собранія былъ переполненъ элегантною великосвѣтскою публикою и имѣлъ необыкновенно торжественный видъ.

Концертъ открылся интродукціею къ балету «Русс d'amour» г. Глазунова—произведеніемъ милымъ и граціознымъ, какъ большинство балетныхъ сочиненій талантливаго автора. «Дуетъ» изъ «Гибели боговъ» нашелъ такихъ первоклассныхъ исполнителей, какъ г-жи Литвинъ и г. Ванъ-Дейкъ, которые, въ качествѣ исполнителей вагнеровскаго репертуара, не имѣютъ себѣ равныхъ на европейскіхъ сценахъ. Особенность этихъ артистовъ заключается въ томъ, что, обладая выдающеюся вокальною школою, они умѣютъ облагораживать декламационный стиль, который, въ исполненіи другихъ пѣвцовъ, преимущественно нѣмецкихъ, производитъ отталкивающее впечатлѣніе. Въ этомъ случаѣ, названные артисты являются блестящими представителями французской школы, которая всегда счастливо примиряла требованія декламации съ интересами изящнаго пѣнія. Во второмъ отдѣленіи каждый изъ нихъ пѣлъ въ отдѣльности. Г-жа Литвинъ художественно исполнила колыбельную пѣсню изъ «Герольда» Направника и «Льсной Царь» Шуберта въ превосходной инструментальной Листа. Г. Ванъ-Дейкъ спѣлъ арію Зигфрида изъ 1-го дѣйствія «Валкирія»—и придалъ этому единственному въ оперѣ номеру пѣсенной формы мягкой сантиментальный характеръ, тогда какъ въ оперѣ эта пѣсня запечатлѣна бурнымъ вододушевленіемъ и напряженнымъ пафосомъ. Г. Гофманъ съ обычнымъ совершенствомъ сыгралъ 4-ый фортепьянный концертъ Сентъ-Санса—произведеніе мало яркое и совсѣмъ не выигрышное для пианиста. Бурю восторговъ вызвалъ своею виртуозною, полною изящества, игрою г. Кубеликъ въ романсъ Свендсена, и «Ziegenweiser» Сарасте. Придворный оркестръ съ честью поддержалъ свою блестящую репутацию, сыгравъ съ художественными отгѣнками рядъ такихъ произведеній, какъ анданте изъ сюиты Чайковскаго, изящную пѣсню садоваго жанра «Suite willageoise» Дюбоа, безподобную на чарующей инструментальной Золуу арфу изъ монодраммы «Лелю» Берлиоза и восхитительную бездѣлушку Рамо—«Tambourin» изъ его балета «Fête d'Hébé». Кромѣ того, оркестръ аккомпанировалъ всѣмъ солистамъ, выказавъ и здѣсь гибкость, чуткость и художественную дисциплину. Оркестромъ дирижировали гг. Флиге и Варлихъ.

Публика, сначала весьма сдержанная, во второмъ отдѣленіи стала оказывать солистамъ весьма теплый и радужный приемъ.

Н. Кн—скій.

Наша музыкальная учрежденія и общества очень рѣдко знакомятъ публику съ капитальными произведеніями, написанными для соло, хора и оркестра. Можно назвать только самое незначительное количество подобныхъ сочиненій, периодически появляющихся на программахъ разныхъ цѣвческихъ кружковъ. Поэтому, для многочисленныхъ любителей ораторій, Общедоступные концерты графа А. Д. Шереметева должны представлять громадный интересъ: почти каждый концертъ знакомитъ слушателей съ новымъ духовнымъ произведеніемъ. На послѣднихъ трехъ общедоступныхъ концертахъ были исполнены цѣликомъ: духовная трилогія Гунд «Mors et Vita», ораторія Мендельсона «Павелъ» и «Всѣмъ-свѣдѣла»—Кіля; изъ нихъ два послѣднихъ произведенія появились въ Петербургѣ въ 1-й разъ.

«Mors et Vita», несмотря на большіе размѣры, нисколько не утомляетъ слушателя. Музыка этой трилогіи ясна, проста, мелодична и трогаетъ сердце; своимъ свѣтлымъ, искреннимъ настроеніемъ, она уноситъ слушателя въ высшія сферы, чуждая житейскихъ драгъ и пороковъ.

«Павелъ»—Мендельсона поражаетъ своей стройностью, классической простотой, а знатокомъ прельщаетъ богатой полифонической обработкой. Нѣкоторые нумера, особенно хоровые,—драматичны и производятъ глубокое впечатлѣніе.

Ораторія Кіля, въ сравненіи съ только что названными сочиненіями, значительно проигрываетъ; сухая, безжизненная, хотя превосходная въ техническомъ смыслѣ, работа неспособна захватить слушателя.

Даровитый руководитель концертовъ съ большимъ подъемомъ и тщательной отдѣлкой провелъ эти капитальныя произведенія; хоръ и оркестръ шли съ замѣчательной стройностью. Г-жи Данковская, Пржебылецкая; гг. Богдановичъ, Муромцевъ и Егiazаровъ, исполнявшіе сольные партіи, приложили много старанія и любви къ дѣлу, чѣмъ достигли наилучшихъ результатовъ.

Вмѣстѣ съ ораторіей Кіля, которая заняла только одно отдѣленіе концерта, были исполнены: колоритная симфонія г. Римскаго-Корсакова «Шехеразада», виртуозно проведенная капельмейстеромъ г. Владимировымъ, и благозвучная, но довольно однообразная увертюра «Донъ-Карлосъ» г. Каппа, подъ управленіемъ автора.

П. Шенкъ.

Большимъ интересомъ отличалась программа концерта г. Зилоти и Брандукова. Изъ новинокъ, исполненныхъ на этомъ концертѣ, слѣдуетъ прежде всего отмѣтить красивыя и интересныя варіаціи г. Глазунова, очень благодарно написанныя для фортепьяно. Очень милыми пѣснями ока-

зались: Chant triste и Romance для виолончели г. Аренскаго; менѣе удачна его же новая сюита (№ 4) для двухъ роялей, исполненная авторомъ и г. Зилоти. Весьма красива и оригинальна соната для виолончели г. Рахманинова, превосходно переданная гг. Брандуковымъ и Зилоти.

Среди современныхъ виолончелистовъ, г. Брандуковъ—одна изъ самыхъ крупныхъ величинъ; это настоящий художникъ. Не такъ поражаетъ его виртуозность, какъ артистическая, тонкая фразировка и задушевный, мягкій тонъ. Дивно спѣлъ онъ на виолончели Andante cantabile и Nocturne—Чайковскаго.

Г. Зилоти владѣетъ блестящей техникой, но туше его сухое и исполненіе безжизненное. Особенно скучно вышла у г. Зилоти соната Шопена.

П. Шенкъ.

Вѣнская оперетта. Та же Бетти Стоянь съ своей милой улыбкой, тотъ же Штейнбергеръ съ своимъ невозмутимымъ комизмомъ, тѣ же оперетки съ граціозными вѣскими вальсами, та же публика и нѣтъ только одного—г. Шпильмана. Его роли играетъ молодой протакъ г. Фрицъ Вернеръ, встрѣченный публикой въ началѣ сезона съ недоумѣніемъ, но затѣмъ мало-по-малу ставшій ея любимцемъ. Г. Вернеръ превосходный актеръ и въ его лицѣ вѣнская оперетта сдѣлала хорошее приобритеніе. Въ немъ много неподдѣльнаго комизма, чисто французской живости, и къ тому же у него очень недурной голосъ. Какую бы роль ни исполнялъ г. Вернеръ, онъ всегда съумѣетъ провести оригинально, не шаблонно. Мнѣ лично онъ нравится болѣе Шпильмана, въ которомъ было гораздо меньше веселости, необходимой въ опереткѣ. Шпильманъ—чисто нѣмекій актеръ, тогда какъ Вернеръ очень напоминаетъ француза. Недурная субретка г-жа Ада Мелани. Изъ новыхъ оперетокъ съ интересомъ смотрятся «Беби» и «Веселые бродяги». Обстановка всегда очень удовлетворительная и въ режиссерскомъ отношеніи оперетки проходятъ безупречно.

В. Латернеръ.

Намъ пишутъ изъ Харькова, что до настоящаго времени еще не выяснилось, кому сдѣдутъ оперный театръ, такъ какъ явилось нѣсколько соискателей на него: А. М. Назаровъ, В. И. Сукъ и теперешній импрессаріо князь А. А. Церетелли. Первый въ поданномъ заявленіи говоритъ, что уплатитъ арендную плату за весь сезонъ (7.000) впередъ, еще до начала сезона. Фактъ безпримѣрный! Г. Назаровъ—человѣкъ богатый и свѣдущій: онъ изучалъ пѣніе въ Италіи и даже тамъ антрепренерствовалъ. Изъ труппъ А. Н. Дюкова, повидавшему, большихъ переменъ не произойдетъ. Остаются на будущій сезонъ: г-жи Пасхалова (по послѣднимъ свѣдѣніямъ, г-жа Пасхалова кончила въ московской Интернаціональной т.), Миличъ, Карпенко, гг. Борисовъ, Павленко, Дара-Владимировъ, Песочный, Глюске-Добровольскій, суфлеры—гг. Виноградовъ и Строгановъ. Г-жа Строева-Сокольская получила приглашеніе въ Самару, въ антрепризу Ахматовой.

Театръ „Пассажъ“. Пьеса В. В. Протопопова «Двѣ страсти» шла въ театрѣ «Пассажъ» въ первый разъ 10 января. На программахъ спектакля было напечатано предисловіе къ пьесѣ профессора П. И. Ковалевскаго, который увѣряетъ, что пьеса имѣетъ двойной интересъ: 1) «въ огромномъ большинствѣ случаевъ несчастныя жертвы отравленія даже не подозреваютъ тѣхъ ужасныхъ послѣдствій, какія имъ предстоятъ, и пьеса г. Протопопова имъ покажетъ, до чего можетъ довести ихъ страсть къ злоупотребленію морфіемъ», и 2) «морфиноманы, какъ и алкоголики въ разгарѣ болѣзни склонны къ преступнымъ дѣяніямъ... Служители Океиды, видя на сценѣ пьесу г. Протопопова, узнаютъ въ реальной ея формѣ эту ужасную страсть и будутъ осторожны въ произнесеніи своего приговора надъ тѣми преступниками, кои совершаютъ свои дѣянія въ рабствѣ этой всемогущей болѣзненной страсти».

Такъ думаетъ ученый профессоръ, полагающій, повидавшему, что дѣло искусства читать лекціи по вопросамъ психіатріи, иллюстрируя эти лекціи клиническими опытами.

Содержаніе пьесы таково. Жили да были два брата. Одному изъ нихъ, во время болѣзни, вспрыснули морфія. Вспрыснули только разъ, но затѣмъ пошло обычнымъ порядкомъ: излечившись Павловъ—такъ звали Сольного—продолжалъ эти вспрыскиванія, потому что это доставляло ему удовольствіе. Обыкновенно апатичный, сонный, Павловъ страшно оживлялся послѣ каждого вспрыскиванія: онъ становился веселымъ, общительнымъ и въ такія минуты даже чувствовалъ себя влюбленнымъ въ одну дѣвушку, которая даже распѣвала ему цыганскіе романсы, стараясь отвлечь его отъ морфія. Нагубная страсть, однако, съ каждымъ днемъ все болѣе расшатывала организмъ больного и свела его въ концѣ концовъ въ могилу. Послѣднія мученія морфиномана изображены довольно реально. Для ученаго профессора—это достоинство пьесы, для зрителя же, идущаго въ театръ не для выслушиванія лекцій, а ради искусства—это безцѣльная и нисколько неназидательная клиническая картина.

Морфиноманія—одна страсть. Другая страсть—сентиментальная любовь, которая, по мнѣнію автора, также пагубна, какъ и вспрыскиванія морфія. Почему?..

Разыгрывается пьеса удовлетворительно, хотя можно бы играть и лучше. Г. Рафаэль Адельгеймъ въ роли морфиномана имѣлъ шумный успѣхъ. «Клиническаго» въ его исполненіи хотѣ отбавляй. Впрочемъ, иначе эту пьесу, пожалуй, и играть нельзя. Слабѣе г. Робертъ Адельгеймъ въ роли тоже больного, но уже другой болѣзنی—сентиментальной любовью. Артистъ, повидавшему, лучше себя чувствуетъ въ костюмныхъ пьесахъ. Мѣстами недуренъ былъ г. Неволитъ въ роли хлыща.

В. Л.

Панаевскій театръ. «Новое Обозрѣніе Петербурга», поставленное впервые 11 января, дало нѣсколько полныхъ сборовъ. Оче-

видно, публикѣ не надобно «злобы», переставшія быть новыми уже нѣсколько лѣтъ. Въ «новомъ» обозрѣніи снова разношники, рекламы, конки, Троицкій мостъ, Демчинскій, Вьялцева, купцы, мотыльки и пр... Одна лишь завязка обозрѣнія сдѣлана по новому. Это веселенькій, хотя и наивный, шаржъ, рисующій встрѣчу двухъ нашумѣвшихъ пьесъ: «Дѣтей Ванюшина» и «Трехъ Сестеръ». Весьма комичными «дѣтьми» были гг. Каменскій и Пальмъ, одѣтые въ гимназическую форму. Шумный успѣхъ имѣлъ г. Рутковский, изображавшій босняка по Горькому и распѣвавшій остроумные куплеты, заканчивающіеся словами:

«Я по паспорту бродяга,

А по Горькому «бос-
сякъ»...

Обычный и вполне заслуженный успѣхъ имѣла г-жа Воронцова-Ленни, между прочимъ, удачно имитировавшая Вьялцеву. Много аплодировали г. Блюменталю-Тамарину.

Большую ошибку допустилъ составитель обозрѣнія, включивъ въ веселыя сценки дза апофеоза съ хорами, шествіями, свѣтовыми эффектами. Всякое обозрѣніе основано на быстрой смѣнѣ впечатлѣній, апофеозы же лишь утомляютъ и затягиваютъ спектакли за полночь. Nst.

КЪ СЕЗОНУ ВЪ ПРОВИНЦІИ.

Балахна. По селамъ Балахнинскаго уѣзда странствуетъ драматическая труппа г. Мюдушевскаго, имѣющая даже собственный оркестръ, которому платится 200 руб. въ мѣсяцъ. Спектакли собираютъ много публики, и г. Мюдушевскій на дѣла пожаловаться не можетъ.

Бобруйскъ. Въ мѣстномъ театрѣ, во время исполненія пьесы «Въ новомъ гетто», публика, какъ сообщаетъ корреспондентъ «С.-З. Кр.», «приведенная въ восторгъ игрою г. Ростовскаго, устроила ему шумную овацію и поднесла бутылку вина «Кармель», каковымъ подаркомъ артистъ былъ очень тронутъ». Отъ поднесенной бутылки вина однако отказался.

Винница. Открытіе въ нашемъ городѣ народного дома, выстроеннаго на средства предводителя дворянства гр. Д. Ф. Гейдена, ознаменовалось концертомъ, состоявшимся 6 января. Инициатива устройства этого концерта принадлежитъ мѣстному устройству концертовъ и спектаклей И. Д. Гутману. Въ концертѣ участвовали М. Е. Медвѣдевъ, В. Л. Леминская и пианистъ Д. И. Давыдовъ.

Елисаветградъ. Театръ г. Несмѣльскій передалъ мѣстному коммерсанту и театру г. Г. Корреспондентъ «Ю. О.» сообщаетъ по этому поводу слѣдующее: «Коммерсантъ и теат-

ральный дѣятель весьма легко уживаются вмѣстѣ. Говорятъ: г. Г. желаетъ сдать театръ въ руки такого театральнаго дѣятеля, который могъ бы создать въ Елисаветградѣ художественный театръ».

Назань. Въ послѣднемъ засѣданіи думы разсматривался вопросъ о сдачѣ городского театра. М. М. Бородай въ послѣдней своей телеграммѣ заявилъ городу, что готовъ взять казанскій театръ въ томъ случаѣ, если ему будетъ сланъ саратовскій городской театръ. Въ этомъ случаѣ онъ можетъ дать оперу и драму полусезонно. Арендная плата 10 т. р.: пользованіе въшалками остается за нимъ. Г. Соболюшкинымъ-Самаринымъ въ началѣ настоящаго засѣданія было представлено заявленіе слѣдующаго содержанія:

«Предстоящее рѣшеніе аренды городского театра въ сегод-

няшнемъ засѣданіи думы заставило всколыхнуться мѣстную прессу и выпустить рядъ фельетоновъ съ панегириками, словословіемъ и куреніемъ самыхъ пахучихъ фимамовъ моему уважаемому предшественнику М. М. Бородаю; попутно съ этимъ городскому управленію и казанскому обществу мѣстная печать предпосылаетъ всевозможныя предостереженія объ осторожности, чтобы театръ не попалъ въ мои руки, награждая меня эпитетами «неудовлетворительный», «совсѣмъ неизвѣстный», «чуть—не подзвительный», проводя параллели между мною и фокусниками Лорицомъ. Очевидно, что при такомъ положеніи дѣла и «безиристристія» газетъ мнѣ продолжать антрепризу не имѣетъ смысла. Я достаточно утомленъ газетной травлей и чуть не потерялъ обонянія отъ благовоновыхъ фимамовъ, щедро раскуриваемыхъ газетами Бородаю. При одномъ представленіи о будущей перспективѣ газетныхъ «вылазокъ» на тему «ахъ, какъ хороша Бородай!» и «ахъ, какъ ужасенъ и неудовлетворителенъ Соболюшковъ!» — дѣлается тошно и хочется изъять и себя и

читателей газетъ отъ этого скучнаго будущего. Да почему не дать успокоиться редакціямъ и ихъ сотрудникамъ? Заканчивается заявленіе г. Соболюшкина-Самарина «категорическимъ и безповоротнымъ» отказомъ отъ всякой «аренды театра на какихъ либо условіяхъ».

Дума постановила сдать театръ г. Бородаю. Какъ мы ниже сообщаемъ, саратовскій театръ сланъ г. Соболюшкову, слѣдовательно и Бородай откажется отъ антрепризы.

Кіевъ. Е. П. Шебуева приглашена на будущій зимній сезонъ въ труппу М. М. Бородаю.

Изъ состава труппы театра Соловцова формируются на Великій постъ 2 товарищества, —одно. г. Владыкина (Житоміръ и Черниговъ, на Пасху до мая—Иолтава), другое г. Строительнымъ (Екатеринославъ, Симферополь и Севастополь).

Спектакли труппы г. Медвѣдева прекратились. По словамъ мѣстныхъ газетъ, вѣроятно атрепренеръ честно разсчитался съ труппой и ликвидировалъ дѣло.

Труппа г. Медвѣдева играла въ общедоступномъ театрѣ общества попечительства о бѣдныхъ (контрактный домъ) и въ театрѣ «Дукьяновскаго народнаго дома» — попечительства о народной трезвости, открытомъ только 26 декабря прошлаго года; въ послѣднемъ труппа дала только 4 спектакля. Интересны условія, какими были обставлены аренды этихъ театровъ. За первый взималось 42 рубля въ вечеръ, за второй—50 рублей; въ первомъ полный сборъ 350, во второмъ 283

ТЕАТРЪ „ПАССАЖЪ“.



«Двѣ страсти».

Робертъ Адельгеймъ.

рубля. Вечеровой расходъ въ каждомъ театрѣ въ среднемъ равнялся 75 руб. Какіе же были сборы? Въ «общедоступномъ» театрѣ съ открытія сезона 27 октября сборы дали въ среднемъ 65 руб., а въ Лукьяновскомъ народномъ домѣ за четыре спектакля выручено 277 руб., т. е. въ среднемъ по 69 р. 25 к. за спектакль.

Одесса. Въ городскомъ театрѣ въ истекшемъ 1902 году всего было 229 представлений, которые дали сбора 291.374 руб. или 1272 руб. въ среднемъ на каждое представленье. Въ предыдущемъ 1901 году 257 представлений дали 288.706 р. сбора (1123 р. на кругъ). Въ частности, спектакли въ 1902 году распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: 79 представлений итальянской оперы дали сбору 129.262 р. (на 1 спектакль 1636 р.), 28 представлений русской оперы — 53.167 р. (на 1 спект. 1899 р.) и 119 спектаклей русской драмы — 105.181 р. (на 1 спект. 884 р.). Въ 1901 году 65 представлений итальянской оперы дали сбора 95.274 р. (на 1 спект. 1466 р.); 6 спектаклей русской оперы — 7284 р. (на 1 спект. 1214 р.) и 103 спектакля русской драмы — 84.668 р. (на 1 спект. 928 р.). Такимъ образомъ матеріальный успѣхъ спектаклей итальянской и русской оперы въ 1902 году былъ болѣе противъ предыдущаго 1901 года, а сборы представлений русской драмы, наоборотъ, были меньше, чѣмъ въ 1901 году. Да и въ



В. А. Неметти.

(Къ открытію театра 19 января).

общемъ, на кругъ, сборы въ 1902 году (1272 р.), были выше сборовъ 1901 года (1123 р.).

Пермь. Г. Никулинъ, возмущенный, по его словамъ, «рядомъ оскорблений и нападокъ по его адресу» въ «Перм. Кр.», обратился къ временно завѣдующему редакціей этой газеты г. Вармунду съ вызовомъ на судъ чести. Г. Никулинъ особенно нападаетъ на фельетонъ «Театральные отголоски». Онъ, между прочимъ, пишетъ: «Считаю, по причинамъ намъ обоимъ извѣстнымъ, исключительно васъ вдохновителемъ этого пасквиля, а также виновникомъ того, что означенное недобросовѣстное литературное (?) произведение увидѣло свѣтъ, я вызываю васъ, милостивый государь, на судъ чести, на которомъ документально докажу, что весь этотъ фельетонъ ложь и неправда! Г. Вармундъ согласился на назначеніе суда чести.

Саратовъ. Въ театральномъ комитетѣ поступила отъ г. Боголюбова, режиссера оперной труппы, докладная записка, доказывающая необходимость муниципализаціи театральнаго предпріятія. Въ запискѣ г. Боголюбовъ, между прочимъ, говоритъ, что «на первый годъ городская театральная дирекція могла бы пригласить *хоть одну оперу*»...

Въ этихъ оперныхъ пристрастіяхъ и заключается опасность этой муниципализаціи...

Городской театальный комитетъ въ засѣданіи 8-го января рассмотрѣлъ предложенія Бородай и Соболевича-Самарина. Бородай находить невыгоднымъ для себя зимой давать драму, а постомъ оперу, такъ какъ на 22 оперныхъ представленье нельзя составить и оккупить хорошую оперную труппу. Соболевичъ-Самаринъ сначала выговорилъ въ свою пользу буфетъ и вѣшалки, потомъ просилъ дать ему даромъ только освѣщеніе на 45 спектаклей оперныхъ и принять на счетъ города страховку, наконецъ соглашается снять театръ безъ всякихъ субсидій, съ тѣмъ, чтобы драма начиналась съ 15 сентября и продолжалась до поста, а постомъ, на

Пасхѣ и Фоминой была опера, и чтобы театръ былъ сданъ на три года. Комитетъ рѣшилъ предложить Думѣ сдать саратовскій театръ безъ всякихъ субсидій и не на 3, а на 2 года съ условіемъ, чтобы съ 1-го сентября до поста была драма, а постомъ, на Пасху и Фоминой—опера.

Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Думы принято предложеніе комисіи. Пренія были непродолжительны.

Уже послѣ засѣданія Думы была получена телеграмма отъ казанскаго городского головы г. Лебедева: «Театръ пока не сданъ. Есть предложеніе Бородай дать оперу, драму—полусезонно, если сдать ему при такихъ же условіяхъ театръ Саратовъ. Соболевичъ-Самаринъ предлагалъ одну драму; оперу только постъ, пасха. Телеграфируйте, какъ думаете поступить. Необходимо выяснитъ скорѣе при полной солидарности обоихъ городовъ».

Театральный комитетъ, послѣ спеціального совѣщанія, вызваннаго этой неожиданной телеграммой, отвѣтилъ казанскому головѣ, что *саратовскій театръ сданъ г. Соболевичу*.

— Режиссеромъ въ труппу Соболевича-Самарина пригласенъ на будущій сезонъ П. П. Ивановскій.

Тула. Съ начала сезона (3 октября) по 7 января сдѣлано валового сбора 26,758 руа. Прошли слѣд. пьесы: «Соколы и Горюны», «Джентльменъ», «Бѣшенныя денги», «Цѣна жизни», «Нищие духомъ», «По гривеннику за рубль» (4), «Подъ колесомъ» (2), «Два міра», «Ома Гордѣевъ», «Бѣдность не пороку» (3), «Дѣти Ванюшина» (2), «Свадьба Кречинскаго» (2), «Гроза», «Каширская старина», «Мамуся», «Безъ солнца», «Блестящая партія», «Виселиса Мелентьева», «Кинъ», «Слѣдователь», «Дѣвичій переполохъ» (2), «Волки и овцы», «Князь Серебряный» (2), «Новое дѣло», «Шахта Георгій» (2), «Грильби», «Чародѣйка» (2), «Злоба дня», «Ванька Ключникъ» (2), «Царь Θεодоръ» (2), «Мученица» (2), «Степная Красавица» (2), «Мѣшчане» (2), «Царская невѣста» (2), «Кенитба Бѣлугина», «Уриель Акоста», «Новый міръ», «Генеральша Матрена», «Сынъ Императора», «Дмитрій Самозванецъ» «Плоды просвѣщенія», «Ксенія и Лжедмитрій», «Столичный воздухъ».

Уфа. На лѣто театръ снятъ П. П. Струйскимъ.

Харьковъ. «Ю. Кр.» слышалъ, что участникъ дирекціи кievскаго театра «Соловцовъ» А. М. Назаровъ подалъ заявленіе о желаніи снять на будущій сезонъ оперный театръ въ Харьковѣ для спектаклей русской оперы.

Өөөдосія. Съ 15 января здѣсь начались спектакли оперной труппы Ф. Кастелляно.

МАЛЕНЬКАЯ ХРОНИКА.

*** Говорятъ,—сцена расшатываетъ нервы, уноситъ здоровье и вообще сокращаетъ жизнь артистовъ. А между тѣмъ сегодня 65-лѣтній юбилей сценической дѣятельности маститаго Феликса Ивановича Кшесинскаго 1. Къ балетной сценѣ, повидимому, это утвержденіе не относится. И дѣйствительно, прядь-ли гдѣ можно встрѣтить столько примѣровъ бодрого долголѣтія, какъ на балетной сценѣ. Въ подтвержденіе этого мнѣнію даже не приходится обращаться за примѣрами къ прошлому, а достаточно ознакомиться лишь съ почтенными годами нѣкоторыхъ изъ нашихъ современныхъ первыхъ артистовъ Ну, кто повѣритъ, напримѣръ, что еще прекрасно сохранившему свои артистическія силы Ф. И. Кшесинскому 1 давно уже минуло за 80 лѣтъ? Кто не удивится, что за плечами граціознаго П. А. Гердта, до сихъ поръ разыгрывающаго роли первыхъ любовниковъ и молодыхъ героевъ, уже 60 лѣтъ!.. Кого не изумитъ почтенный возрастъ нашей неувядаемой, полной бrio и темперамента, лучшей характерной танцовщицы М. М. Петипа, еще до настоящихъ дней плывущей публику своими полными жизни танцами и красотой, и считающейся безъ малаго... 50 лѣтъ!.. А ея 80-лѣтній отецъ, неустанный труженикъ и талантливый балетмейстеръ М. И. Петипа, дебютировавшій впервые на петербургской сценѣ въ 1847 году!.. А 60 лѣтъ *прослужившій* и понынѣ полный бодрости, энергіи и силъ младшій режиссеръ К. П. Ефимовъ!.. А почтеннѣйшій профессоръ театральнаго училища Х. П. Югансонъ, родившійся въ 1817 году, до минувшаго года занимавшійся педагогическою дѣятельностью и понынѣ достаточно бодрый и живой старикъ!

Такихъ примѣровъ долголѣтія и молоджавости балетныхъ артистовъ можно найти десятки.

Жизнь балетнаго артиста, въ сопоставленіи съ представленіями оперной и драматической сценъ, полна труда и, пожалуй, опасностей. Неустанный, безконечный ежедневный трудъ, вѣчная чуть не съ 6 час. утра бѣготня по урокамъ, неизбѣжныя ежедневныя въ теченіи нѣсколькихъ часовъ техническія упражненія, безконечныя репетиціи, впроголодь жизнь въ дни спектаклей (въ особенности для балетныхъ). Публикѣ нашей почти неизвѣстенъ «режимъ» танцовщицы; она зачастую отбиваетъ себѣ лады аплодисментами, не задумываясь, какимъ трудомъ достигается

успѣха танцовщица. Я помню, напр., невообразимый двухлѣтній трудъ московской балерины Е. В. Гельперъ въ 90-хъ годахъ, когда все вниманіе названной артистки было обращено на развитіе техническихъ способностей. Танцовщица работала надъ собою безъ отдыха; почти ежедневно, съ 8 час. утра она отправлялась уже въ училище, гдѣ верѣдко проводила за техническими упражненіями болѣе 4 часовъ, а затѣмъ, сдѣлавъ перерывъ на одинъ часъ, снова отправлялась въ ту же школу, занимаясь тамъ вплоть до обѣда. И такъ изо-дня въ день. Балетная сцена создаетъ много опасныхъ условий для здоровья артиста. Во-первыхъ, костюмъ танцовщицы всегда открытый, а принимая во вниманіе, что танцы „разгорячаютъ“ танцовщицу, легко представить себѣ рискъ простуды и воспаленія легкихъ, тѣмъ болѣе, что на сценѣ всегда дуетъ. Во-вторыхъ, въ нѣкоторыхъ балетахъ, гдѣ есть фонтаны или водопады изъ живой воды (какъ напр., въ бал. „Конекъ-Горбунъ“, „Царь Кандавъ“ и пр.), гдѣ на обнаженное разгоряченное тѣло танцовщицы летятъ миллиарды брызгъ холодной воды, здоровье танцовщицы, въ смыслѣ простуды,

такой возбужденности, до такого восторженнаго неистовства, что граничило съ полнымъ скандаломъ: мальчишки 12 лѣтъ аплодировали пѣвицѣ, выражали свой восторгъ, какъ умоизступленные; молодые особы женскаго пола расхватали поднесенный ей букетъ по цвѣточку, чуть ли не по листочку; всѣхъ охватила волна возбужденія плотскихъ страстей, культъ служенія которымъ воспѣвала и изображала г-жа Вальцева...

Горе, великое горе тому обществу, гдѣ воочію всѣхъ въ юныя сердца подрастающаго поколѣнія — сознательно или безсознательно — вливается обольстительный ядъ растлѣнія плоти, а черезъ нее и духа, гдѣ юность торжественно знакомится съ прелестями грѣхопаденій, о которыхъ ей слѣдовало бы пребывать въ полномъ невѣдѣніи... Пріѣзжаетъ въ нашъ городъ служительница срамной поэзіи плотскихъ страстей, — къ подножію ея повергаютъ, почти младенцевъ и воображаютъ, что это совсѣмъ маленькое, незначительное зло, а народъ смотритъ на дѣло совсѣмъ иначе.

„МОННА ВАННА“ ВЪ МОСКОВСКОМЪ ТЕАТРѢ „АКВАРИУМЪ“.



Тривульціо (г. Разсудовъ).



Г-жа Комиссаржевская Монна Вянн.

подвергается еще большей опасности. А какой опасности (не для здоровья, а прямо уже для жизни) подвергаются тѣ изъ танцовщицъ, которыя на проволочкѣ совершаютъ полеты черезъ всю сцену, или, какъ напр., г-жа Свирская, изображающая въ балетѣ „Раймонда“ Бѣлую Даму, на подножкѣ спускается, въ видѣ статуи, по стѣнѣ, съ высоты карниза, на сцену, рискуя каждый моментъ свалиться и разбиться на смерть!.. И все-таки балетный трудъ, несмотря на всю свою сложность и тяжесть, развиваетъ силы артиста и въ большинствѣ случаевъ сохраняетъ его жизнь на долгія лѣта. Главною причиною этому, очевидно, служатъ „вѣчный моціонъ“ и безконечная гимнастика. Н. Ф.

*** Намъ прислана брошюра, озаглавленная „Изъ дневника приходскаго пастыря“.

Въ наши дни, пишетъ между прочимъ авторъ брошюры священ. Михаилъ Юркевичъ, — иная извѣстность бываетъ хуже совершенной бѣвѣстности, а развлеченія являются такими, что о нихъ срамно бы и глаголати, если бы не побуждало къ тому сознаніе пастырскаго долга. Во вторую седмицу великаго поста нашъ городъ „удостоила“ своимъ посѣщеніемъ „знаменитая, въ своемъ родѣ“ пѣвица Вальцева, которая концертомъ своимъ привлекла въ благородное собраніе массу мѣстной интеллигенціи — отъ старцевъ, украшенныхъ почтенными сѣдинами, до мальчиковъ и дѣвочекъ, учащихся въ разныхъ школахъ; отцы и матери не только сами явились на концертъ, но привели съ собою и совсѣмъ юныхъ чадъ своихъ!.. И увлеченіе слушателей пѣніемъ артистки дошло до

Письма въ редакцію.

М. г., г. редакторъ! Въ 1 № „Театра и Искусства“ за 1903 г. напечатано несправедливое обвиненіе, позорящее мое артистическое имя, на что и даю отвѣтъ, выясняя все положеніе дѣла. Письмо подписала „группа“. Но подписалось семь человекъ, а у меня въ Гроднѣ труппа состояла изъ 22 человекъ; кромѣ того, г-жа Даргомыжская даже не стояла въ труппѣ у меня въ то время, когда ликвидировалось дѣло. Еще 10 декабря г-жа Даргомыжская нарушила условіе службы, отказавшись отъ роли Креузы, хотя стояла на афишѣ, и на замѣчаніе, сдѣланное ей по этому поводу, она ушла изъ театра, сказавъ, что не служить больше. Я не бѣжала тайно изъ Гродны. Я не неожиданно бросила дѣло. Я вынуждена была прекратить дѣло въ силу невозможности продолжать его при 30, 28 рублевыхъ сборахъ, которые начались у меня съ пріѣздомъ артистовъ: гг. Матвѣева (герой ревернѣ), Кожевникова (любовникъ) и Даргомыжской (молодая героиня и сильная драматическая инжени). Но первый выходъ г. Матвѣева „Измаилъ“ далъ 60 руб., а второй „Семья преступника“ 28 руб. Это неслыханный сборъ у меня въ театрѣ... Тоже самое повторилось и со спектаклями г-жи Даргомыжской и г. Кожевникова, сборы падали и дошли до того, что цѣлый мѣсяцъ, даже воскресные дни давали не болѣе 80 руб., а будни 50; 40; 36; даже новыя пьесы съ ихъ участіемъ давали по 40 р.

Даргомыжская по капризамъ сама ушла, но ни одной свободной артистки въ дѣлѣ не было. Публика окончательно перестала ходить въ театрѣ. Когда артисты съ уди-

влѣніемъ спросили директора театра генерала Цвѣткова, почему публика не ходитъ въ театрѣ, послѣдовалъ отвѣтъ, что многіе артисты не нравятся публикѣ—когда же я предложила имъ разойтись миролѣбиво, они отвѣтили, «уплатите намъ неустойку, мы тогда уйдемъ, мы не виноваты, что не нравимся публикѣ». Я, къ сожалѣнію, не имѣла денегъ, чтобы уплатить имъ неустойку. Въ продолженіи мѣсяца сборы не покрывали вечеровыхъ расходовъ, я за первые два мѣсяца имѣла убытку 1600 р., на покрытіе котораго ушли мои деньги 2000 р., съ которыми я пріѣхала въ Гродно. Въ силу этого я задолжала артистамъ 900 р., они требовали немедленной уплаты, которой, за неимѣніемъ денегъ, я не могла произвести и просила ихъ подождать до праздниковъ, а пока довольствоваться получкой съ текущихъ сборовъ. Они—эти семь человѣкъ, подписавшіе это коллективное заявленіе, наотрѣзъ отказались играть, если я не уплачу имъ денегъ сполна теперь же. Что мнѣ оставалось дѣлать? я обратилась къ начальнику губерніи съ просьбой выдать мнѣ субсидію для раздачи артистамъ предъ праздникомъ. Въ выдачѣ всей субсидіи онъ отказалъ, согласившись выдать только половину, т. е. 500 рублей. При этомъ добавилъ, что желательно было бы, чтобы я замѣнила нѣсколько артистовъ или дала бы оперетку.

Возвратясь отъ начальника губерніи, я заявила артистамъ, что эти 500 р. я раздамъ имъ предъ праздникомъ, а остальные 400 р. они получатъ съ праздничныхъ сборовъ. На это они категорически заявили, что если я не уплачу имъ сейчасъ всѣхъ денегъ, они играть не будутъ.—Что я должна была дѣлать? Денегъ у меня не было; все свое состояніе я вложила въ дѣло антрепризы, а за два года потеряла, около 30 тысячъ, т. е. все, что я имѣла. Послѣ ихъ заявленія я обратилась къ г. директору театра—полиціймейстеру Гордынскому (онъ же агентъ Драматическаго Театральнаго Общества) съ просьбой повліять на гг. артистовъ, чтобы они получили 500 руб. и продолжали дѣло, такъ какъ приближались праздники, но убѣжденія ихъ ни къ чему не привели. Тогда я просила г. полиціймейстера объявить имъ, что вынуждена прекратить дѣло. На послѣднее они согласились съ тѣмъ, что, получивъ 500 р., обѣщали возвратить контракты мнѣ, полагая, конечно, взять театръ для себя. Дирекція же имъ театра не дала, заявивъ, что она имѣетъ дѣло со мной.

16 декабря они заявили, что дирекція уже нѣтъ и они свободны, и текущіе спектакли до праздниковъ должны дѣлаться въ товариществѣ. Я согласилась на это потому, что 22 декабря я должна была дать спектакль въ пользу Общества Краснаго Креста, половина сбора съ котораго поступала въ мою пользу. Получивъ на половину болѣе 200 р., деньги эти я распредѣлила между всѣми артистами.

Словомъ, они сами предъ праздниками, когда дѣло можно было поправить, бросили дѣло изъ за 400 р., имѣя впереди два лучшихъ мѣсяца сезона, кромѣ того, субсидію въ 500 р. и мой залогъ.

Кто же виноватъ въ этомъ? Я не бѣжала изъ Гродны тайно, какъ они меня обвиняютъ, мнѣ необходимо было по дѣлу выѣхать въ Ровно. Я спросила дирекцію, въ лицѣ городского головы генерала Цвѣткова и г. полиціймейстера, нужна ли я при выдачѣ субсидіи. Мнѣ отвѣтили, что я не нужна, могу уѣхать, такъ какъ субсидію долженъ выдавать полиціймейстеръ, который при этомъ сказалъ, что субсидія будетъ дана только тѣмъ артистамъ, которые возвратятъ мнѣ контракты, но получивъ субсидію, они, однако, контрактовъ мнѣ не возвратили.

Вечеромъ 22 декабря я играла спектакль, разговаривала съ артистами и дирекціей о моемъ пріѣздѣ въ Ровно. Гдѣ же тутъ послѣ этого бѣгство, въ которомъ они меня обвиняютъ? Пригласила я оперетку Борисова уже послѣ того, когда былъ выясненъ вопросъ, что они согласны получить субсидію и дѣло драмы прекращается.

Я прошу возстановленія истины у нашего театральнаго органа «Театръ и Искусство», чрезъ который я могу оправдать себя и возстановить свое доброе артистическое имя.

Справедливость моихъ словъ подтверждаютъ г. директоръ театра, г. полиціймейстеръ и г. городской голова.—Артистка Софья П. Волгина.

Бывшій полиціймейстеръ агентъ Русскаго Театральнаго Общества Г. П. Гордовскій. Директоръ театра Цвѣтковъ Городской голова (неразборчиво).

Отъ Ред. Письмо С. П. Волгиной напечатано нами цѣликомъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ аттестаций артистовъ, которыя могутъ повредить послѣднимъ, ничего не прибавляя къ защитѣ г-жи Волгиной. Достоинно замѣчанія, во всякомъ случаѣ, что гг. антрепренеры, при плохихъ дѣлахъ, сваливаютъ всю вину на актеровъ, упорно не желая принимать на себя отвѣтственность за сформированную труппу. Труппа есть такой же результатъ антрепренерскаго умѣнья, какъ репертуаръ и, вообще, все веденіе дѣла.

М. г., г. редакторъ! Въ юлѣ прошлаго года мною былъ заключенъ контрактъ съ П. Н. Орленевымъ, по которому онъ обязался ѣхать со мною гастролировать по разнымъ го-

родамъ отъ 1 октября по Великій постъ. Въ контрактѣ я исключила пунктъ, что если Орленевъ прекратитъ поѣздку раньше срока, то онъ обязанъ платить жалованье всей труппѣ до конца сезона. Я надѣялся, что этотъ пунктъ обуздаетъ его.

Перваго октября мы начали поѣздку, дѣла были не важныя, за исключеніемъ Баку; но Орленевъ все-таки получалъ по 3000 р. въ мѣсяцъ. Несмотря на то, что въ нѣкоторыхъ городахъ мы совершенно сборовъ не дѣлали, я платилъ жалованье всѣмъ актерамъ и служащимъ аккуратно и дѣлалъ все возможное, чтобы дотянуть дѣло до конца. Но всѣ мои усилія оказались тщетными. Праздники мы играли въ Батумѣ; въ труппѣ у меня служилъ актеръ Нечаевъ (креатура Орленева). Неизвѣстно съ какою цѣлю Нечаевъ распустилъ слухи, будто я не плачу жалованья. Труппа заявила мнѣ письменно, что съ Нечаевымъ не желаетъ служить и проситъ его исключить изъ труппы. 2 января у насъ былъ назначенъ отъѣздъ изъ Батума въ Новороссійскъ пароходомъ въ 2 часа ночи.

По окончаніи спектакля всѣ поѣхали на пароходъ, багажъ былъ сланъ и билеты взяты заранее. Прошу принять во вниманіе, что каждый билетъ до Новороссійска стоитъ 8 р. 50 к., а насъ 28 человѣкъ. Въ Новороссійскѣ мы должны были играть 4 и 6 января. Послѣ 2 звонка Орленевъ пріѣхалъ въ веселой компаніи, въ средѣ которой былъ и уполномоченный Т. О. г. Хитаровъ, и воскликнулъ: «Нечаеву отказали и я не ѣду, такъ и скажите», повернулся и уѣхалъ въ городъ. Это происходило въ присутствіи г. Хитарова, послѣдній вмѣсто того, чтобы урезонить г. Орленева, одобрилъ его поведеніе. Мы поѣхали безъ знаменитаго гастролера. Рано утромъ на первой же остановкѣ парохода (Поти), актерами была послана телеграмма уполномоченному Театральнаго Общества въ Батумъ съ просьбой убѣдить Орленева выѣхать немедленно въ Новороссійскъ. Вслѣдствіе сильной бури пароходъ, простоявъ въ виду Новороссійска лишніхъ 14 часовъ, отвезъ насъ, какъ и прочихъ пассажировъ въ Феодосію, куда мы прибыли 5 ночью. Въ довершеніе всѣхъ бѣдъ въ Феодосіи два дня телеграфъ не работалъ и мы находились въ полномъ невѣдѣніи о нашемъ гастролерѣ. На посланную нами телеграмму въ г. Батумъ получились отмѣтка почтовой телеграфной конторы «выѣхалъ». Въ настоящее время 28 человѣкъ актеровъ и служащихъ сидятъ въ Феодосіи, не зная, что предпринять, играть гдѣ-либо самостоятельно невозможно; труппа была составлена исключительно для репертуара Орленева. Прошу васъ, г. редакторъ, помѣстить письмо это въ уважаемомъ журналѣ Вашемъ, быть можетъ оно послужитъ предостереженіемъ для другихъ.

Л. Г. Шмидтхартъ.

М. г., г. редакторъ. Изъ письма антрепренера нашего Вамъ уже извѣстно о поступкѣ Орленева и въ какое положеніе онъ поставилъ всѣхъ насъ. Но насъ поражаетъ отношеніе ко всему этому дѣлу батумскаго уполномоченнаго Русскаго Театральнаго Общества, который вмѣсто того, чтобы помочь намъ и оградить отъ произвола «гастролеровъ», своимъ поведеніемъ окончательно разстроилъ все дѣло.

Съ совершеннымъ почтеніемъ Георгій Максимовичъ, Марія Волжина, Екатерина Павлова, Николай Лининъ-Дубровский, Маргарита Радица, Ольга Морина, Александрова, Александръ Сафоновъ, Николай Выговскій, Юлія Кадмина, Леопольдъ Рамадзевицъ, А. Неждановъ, В. Стороженко.

Феодосія, 11 января.



ИЗЪ МОСКВЫ.

Говорятъ, Малый театръ «обязанъ» ежегодно вводить въ свой репертуаръ по одной «большой», классической драмѣ, лишь въ крайнемъ случаѣ отдавая кому-нибудь предпочтеніе передъ Шекспиромъ. И въ исполненіе этой художественной обязанности, театръ поставилъ теперь «Короля Генриха VIII».

Вѣроятно, у двѣнадцатиглавого репертуарнаго совѣта, были достаточно солидныя основанія сдѣлать именно такой выборъ—остановиться на «Генрихѣ VIII». Совѣтъ семь разъ примѣривъ, даже назначеніе исполнителя на роль безъ ниточки, а не то что выборъ пьесы, и все рѣшаетъ не иначе, какъ закрытою баллотировкою. Однако, не зная этихъ основаній, позволяю себѣ думать, что хроника о Генрихѣ VIII—не только самая слабая изъ шекспировскихъ пьесъ, но и просто слабая, которая въ слишкомъ скромной мѣрѣ тревожитъ мысль, чувство и воображеніе, хотя въ «прологѣ» и говорится, что это—«скорбная, высокая картины, кладущія на лобъ глубокія морщины», рядъ сценъ, «орошающихъ глаза людей слезами». Впрочемъ, даже и не требуется быть тонкимъ шекспиромъ, достаточно немного свыкнуться съ его творчествомъ, чтобы въ сильномъ раздумьѣ остановиться передъ хроникомъ о Генрихѣ VIII и усомниться въ принадлежности

этой хроники Шекспиру. Пусть даже эта драма относится къ періоду упадка творчества Шекспира, когда убывающая жизнь стусила сумракъ въ его душѣ. Но и въ эту пору Шекспиръ былъ Шекспиромъ, а здѣсь, въ блѣдныхъ, контурныхъ фигурахъ, въ поверхностномъ, торпливомъ, не пускающемъ психологическихъ корней пересказѣ событий, въ напыщенныхъ монологахъ, въ вычурныхъ метафорахъ, въ неожиданныхъ раскаяніяхъ честолюбиваго грѣшника, въ нагроможденіи внѣшнихъ, постановочныхъ эффектовъ, — во всемъ, чѣмъ характеризуется эта хроника, такъ мало чувствуется шекспировское. И не закипаетъ ничего въ отвѣтъ на всѣ усилія «оросить глаза людей слезами»; сухи и только отражаютъ скуку даже глаза женщинъ, на которыхъ возлагаетъ главную надежду эпilogъ. Это — не Шекспиръ, или это — очень мало Шекспиръ. Такъ бы я судилъ и аргюи, по непосредственнымъ впечатлѣніямъ непосредственнаго читателя и зрителя, если бы и не зналъ, что найду большую поддержку у специалистовъ, изучающихъ шекспировскій текстъ, какъ Библию, съ самою мучительною педантичностью и осторожностью. Я не хочу ученостью морочить. Но, думаю, нѣсколько авторитетныхъ именъ будутъ не лишніи. Благо, не требуется, чтобы добыть ихъ, долгихъ экскурсій. Они, ихъ сомнѣнія и скептическія указанія, тщательно собраны Брандесомъ въ его большой, напечатанной лѣтъ шесть назадъ работѣ «William Shakespeare». Эмерсонъ, за нимъ Спелдингъ, позднѣе Флэй и Фурнавалъ, и еще цѣлый рядъ заядлыхъ шекспиристовъ категорически отказываются признать въ «Генрихѣ VIII» произведение Шекспира, даже не принимая въ расчетъ художественную слабость этой пьесы. Къ отвѣту привлекается и структура стиховъ, и способъ выраженія, и всякія иныя сопоставленія. Есть смѣлые, категорическіе отрицатели. Шекспиръ тутъ не при чемъ. Ему подкинуто чужое дитя. Другіе менѣе категоричны, и считаютъ, что у «Генриха VIII» — два отца, Шекспиръ и Флетчеръ, при чемъ по однимъ Флетчеръ воспользовался недодѣланною шекспировскою работою или даже просто его схемою и привелъ ее въ видъ законченной пьесы, по другимъ — Шекспиръ, говоря по современному, «окрылялъ» флетчеровскую шесу, кое-гдѣ вставивъ отдѣльные монологи. За это послѣднее мнѣніе — большинство, примыкаетъ къ нему и Брандесъ и даже указываетъ, что въ эту работу, сдѣланную ремесленникомъ на заказъ и наспѣхъ, вставлено Шекспиромъ. Оказывается, шесть небольшихъ сценъ, и то — не полностью. И рядомъ хотя-бы съ любой частью «Генриха V», — чтобы остаться въ кругу хроникъ, — этотъ парадный, для придворнаго торжества сочиненный «Генрихъ VIII» — пигмей въ сравненіи съ колоссомъ. Одинъ только образъ принадле-

МОСКОВСКІЙ МАЛЫЙ ТЕАТРЪ.



А. И. Южинъ.
(Генрихъ VIII).

жить тутъ болѣе или менѣе полно Шекспиру. — жены Генриха, несчастной, отвергнутой Катерины Аррагонской, родной, по духу кротости и красотѣ преданности, Имогена и Гермионъ. Но и въ него Флетчеръ вставилъ свои фольговыя украшенія и разбавилъ поэзію словами.

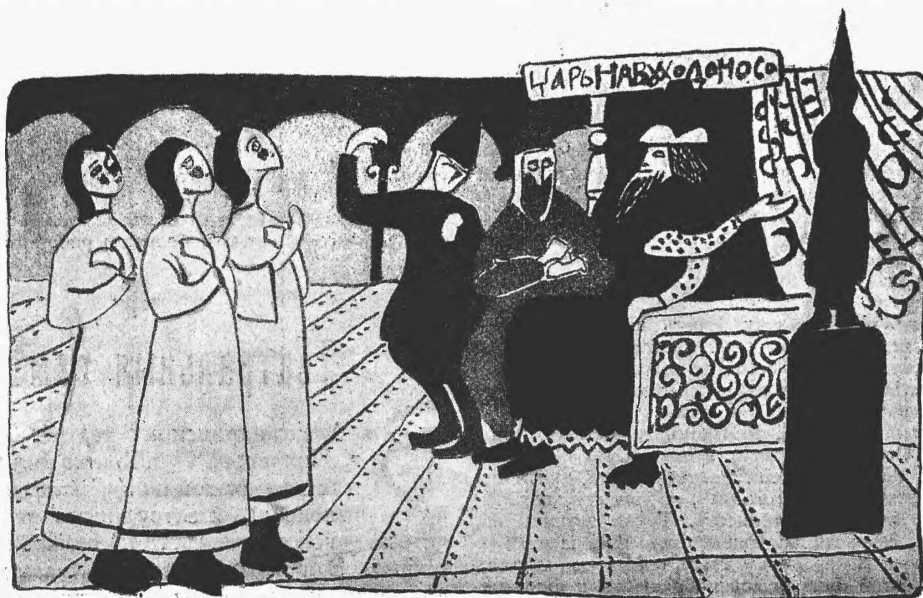
Такъ говорятъ тѣ, кому и книги въ руки. Ихъ ученость совпадаетъ съ моимъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ и уже смѣло могу сказать, что «Генриха VIII» ставить, тратить на него трудъ артистовъ, режиссера, декораторовъ не стоило. Можно и должно благоговѣть передъ гениемъ, но не надо неосмотрительно прятаться за его имя. И надо побольше вѣрить себѣ. Потому-то, не пробуя проникать въ тайны совѣтскихъ совѣщаній, я отлично слышу голосъ каждаго изъ членовъ совѣщанія: «Какъ это слабо, какъ неинтересно и никому не нужно». «Да, но это Шекспиръ-съ!» И голоса покорно умолкаютъ, и ставится шекспировскій, полу-шекспировскій, а главное — совершенно неинтересный «Генрихъ VIII». И я боюсь, что такіа недоразумѣнія будутъ повторяться, если будутъ ставить непременно Шекспира, во что-бы тони стало — Шекспира, и, съ другой стороны, будутъ обѣгать тѣ его творенія, для которыхъ нѣтъ въ труппѣ полного состава вполне достойныхъ исполнителей. Я думаю, что именно по этимъ соображеніямъ останется, наиримѣръ, непоставленнымъ «Юлій

Цезарь». А онъ, такъ сказать, «вопіетъ» о постановкѣ. Или «Генрихъ IV», для котораго не оказывается молодого Генриха. А какъ-бы хотѣлось увидѣть эти прекраснѣйшія шекспировскія созданія на сценѣ, что дѣлать! — даже въ не вполне совершенныхъ сценическихъ воссозданіяхъ. И какъ обидно мирится съ тѣмъ, что на нѣтъ и суда нѣтъ. Необходимо найти недостающихъ исполнителей, хотя-бы пришлось искать ихъ по всѣмъ труппамъ...

Хроника очень хорошо поставлена, и въ декоративномъ, и въ режиссерскомъ отношеніи. Я не видалъ ирвингской постановки «Генриха», но слышалъ, что она легла въ основу московской постановки. Говорю это ничуть не въ укоръ, наоборотъ. Безцѣльно было-бы передѣлывать заново большую, трудную работу, которая уже сдѣлана, и отлично, и людьми которымъ сдѣлать ея было во много кратъ легче и проще. Отъ всѣхъ комнатъ дворца, отъ залы въ Блекфрайерсѣ, гдѣ происходитъ судъ, отъ площади Вестминстера, при всей крас-

сотѣ ихъ, вѣетъ мрачною англійскою стариною. Я знаю, что все до мелочей точно. Но не это важно, а то, что это даетъ большое и непосредственное впечатлѣніе, обдаетъ сразу нужная атмосфера. И даже въ сложной по обстановкѣ сценѣ суда между королевемъ и королевой, гдѣ такая пестрая смѣсь одеждъ и лицъ, необычайныхъ для нашего глаза, — частности не очень развлекаютъ вниманіе, но принимаются

МОСКОВСКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕН. КРУЖОКЪ.



Афиша «Пещного дѣйства».

въ своемъ цѣломъ, какъ одна общая, слитная картина. Лишь такой эффектъ я и могу признать законнымъ въ сценической обстановкѣ. Только одно вызываетъ недоумѣніе. Почему послѣдняя сцена крестинъ Елизаветы, будущаго «солнца Англіи», происходитъ на той-же площади, по которой ведутъ Букингэма на казнь, и при той-же народной сценѣ? Въ ремаркѣ хроники значится «во дворцѣ». Но во всякомъ случаѣ, не на улицѣ Вестминстера. Да мнѣ и не топографія важна. Но тождественная обстановка въ двухъ діаметрально различныхъ моментахъ мѣшаетъ воспріятію. И ужъ конечно авторъ хроники никакъ не имѣлъ въ виду напомниманіемъ о несправед-

Въ «Генрихѣ VIII» — множество дѣйствующихъ лицъ, но очень мало сколько-нибудь определенныхъ въ своемъ содержаніи образовъ. Самый красивый, правдивый — королева. Испанская гордость и женственная кротость, сознание правоты и тихая покорность несправедливости очень выпукло показываются М. Н. Ермоловой. Сцену передъ смертью, лучшую въ хроникѣ, объявляющую поэзію, артистка ведетъ съ чрезвычайнымъ благородствомъ, и неподдѣльной красотой самоотреченія и тихой скорби. Душа ея уже не землѣ принадлежитъ, уже открыты ей великія тайны иного міра... Мы такъ привыкли, въ исполненіи современныхъ артистовъ къ патологии смерти, къ реальному изображенію того, что и въ реальномъ мірѣ важно и велико своимъ нереальнымъ, надъ естественнымъ смысломъ, — что поэзія смерти, какую даетъ тутъ г-жа Ермолова, захватываетъ особенно властно, оставляетъ грозное, какое-то бѣлоснѣжное впечатлѣніе. Я не декадентствую и не хочу играть въ отождествленіе звуковъ красками. Но все въ этой сценѣ сливается для меня въ что-то безупречно бѣлое. Это былъ единственный моментъ за весь долгій спектакль, когда зрительная зала встрепенулась и вышла изъ равнодушія и драмы.

Генрихъ VIII и Вольслей, гг. Рыбаковъ и Ленскій, очень хороши по гриму. Особенно первый, этотъ «Синяя Борода» на тронѣ. Тупой на изображеніе, глупо-хитрый, тупой въ гнѣвѣ, неустойчиво и грубощувственный, и, вмѣстѣ, полный сознанія своего величія и достоинства. То-же звучитъ во всѣхъ интонаціяхъ, сквозитъ въ движеніяхъ. Еще штрихъ — была бы каррикатура. Но артистъ умѣетъ всегда удержаться, сбрасывая лишь съ этой фигуры всѣ побрякушки и фигурные листки, которыми прикрылъ ея духовную наготу и неприглядность куртуазный авторъ хроники, покорный условіямъ, при которыхъ готовилась и исполнялась хроника, съ отцомъ Ели-

заветы въ качествѣ героя ея. Г. Ленскій — великолѣпный по внѣшности Вольслей. Въ передачѣ же его души, которая вся — во власти одной гордой мечты — сѣсть на папскій престолъ, и все считаетъ законнымъ, разъ это средство къ манящей цѣли, артистъ уже излишне мягокъ, показываетъ нена сытное честолюбіе Вольслея облагоустроеннымъ или чрезмѣрно замаскированнымъ, такъ что порою и совсѣмъ не видно истиннаго лица. Можетъ быть, это оттого, что артистъ все время помнитъ о роковой для роли сценѣ, когда Вольслей вдругъ, безъ переходовъ раскается въ своемъ грѣхѣ честолюбія. Чтобы крутой, столь же неожиданный, сколько и немотивированный переломъ показался естественнѣе, артистъ смягчилъ всѣ тона въ предшествующихъ частяхъ роли, но все же переломъ не выигралъ въ правдѣ. Впрочемъ, и въ хроникѣ Вольслей, хотя на него затрачено преимущественное авторское вниманіе, и онъ долженъ поучительно демонстрировать крушеніе честолюбія, какъ «почести падутъ мгновенно въ прахъ», — наименѣе интересный по своей художественной прозрачности и поверхности.

Омѣчу еще г. Рыжова, который горячо, съ чувствомъ говорить монологъ Букингэма передъ казнью. И очень не удалась фигура Кромвеля, въ которую невольно глядяешься такъ пристально, зная будущую громадную историческую роль Кромвеля; его желѣзную натуру, которой на малой сценѣ были приданы какая-то рыхлая, по-московски бытовая оболочка и слезливая, причитающая интона-

нація. На первомъ спектаклѣ прологъ читалъ, въ гримѣ Шекспира, А. И. Южинъ. Я видѣлъ пьесу во второй спектакль, когда «прологомъ» былъ маленький актеръ съ небольшою выразительностью и большою робостью Н. Э—съ.



Театральныя замѣтки.

Въ Александринскомъ театрѣ поставили пьесу г. Половцова — «Ломоносовъ». Одинъ изъ нѣмцевъ-академиковъ, выводимыхъ въ произведеніи — я затрудняюсь употребить слово «песа» — говоритъ вмѣсто «Ломоносовъ» — «Lomonosovius». Эта передѣлка, такъ сказать, живого чело-вѣческаго прозвища на латинскій ладъ, съ грамматическимъ окончаніемъ кажется мнѣ весьма подходящей для пьесы г. Половцова. Почтенный авторъ —

МОСКОВСКІЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТРЪ.



«На днѣ».

Г. Вишневіскій—татаринъ. Рис. С. Панова.

болѣе изслѣдователь историческихъ архивовъ, нежели художникъ, — написалъ «историко-бытовые сцены», которымъ приличествуетъ названіе «Lomopossovius».

Г. Половцовъ проститъ мнѣ, если я не буду останавливаться съ должною подробностью на его произведеніи. Сцены г. Половцова нельзя пересказать въ сжатомъ видѣ, потому что въ нихъ нѣтъ ни интриги, ни сюжета, ни плана. Г. Половцовъ въ первой сценѣ показываетъ намъ Ломоносова въ Академіи, причемъ попутно характеризуетъ академиковъ-нѣмцевъ: во второмъ актѣ показываетъ, какъ Ломоносовъ изучалъ явленія электричества, почему на сценѣ изображается гроза; въ третьемъ актѣ Ломоносовъ, по французскому выраженію, «fait l'antichambre» у Шувалова, вмѣстѣ съ Сумароковымъ, Тредіаковскимъ и др., причемъ Шуваловъ объявляетъ, что 12 января, въ день ангела матушки его Татьяны Петровны, подноситъ къ подписи Императрицы положеніе о московскомъ университетѣ. Въ четвертой картинѣ представленъ маскарадъ у Лѣтняго дворца, по случаю коронаванія Екатерины II, и тутъ уже совсѣмъ нѣтъ Ломоносова, а имѣются «Бакхусъ», игральныя карты, пьяницы, развѣзжающіе на бочкахъ и пр. Наконецъ, въ послѣдней картинѣ Ломоносовъ умираетъ, дважды появляясь на сцену для того, чтобы глотнуть воздуха (хотя проще было бы открыть окно), а академикъ Як. Штеллинъ въ это время записываетъ анекдоты со словъ княгини Дашковой. Як. Штеллинъ былъ другомъ Ломоносова, но это не мѣшало ему записывать анекдоты о современникахъ у одра смерти славнаго русскаго ученаго. И г. Половцовъ—другъ Ломоносова. Однако это тоже не мѣшаетъ ему записывать и воспроизводить разныя, до дѣла мало относящіяся, анекдоты, въ то время, какъ страдаетъ, мучится и борется живая душа излюбленнаго имъ героя.

Я сначала думалъ, что г. Половцовъ, въ мѣру своихъ изобразительныхъ способностей, займется «препрославленіемъ» Ломоносова,—вродѣ того, на примѣръ, какъ германскій «піита» Вильденбрухъ занимается прославленіемъ Гогенштауфеновъ и вообще «знатныхъ германцевъ». Нельзя сказать, чтобы это была художественная задача, но съ извѣстной точки зрѣнія и она представляется полезной, поднимая духъ въ потомкахъ и окружая легендарной славой историческія фигуры. Но г. Половцовъ едва ли и «препрославляетъ» въ тенденціозномъ родѣ Ломоносова. По крайней мѣрѣ, я не могу считать возвышенной чертой характера, что Ломоносовъ проситъ Шувалова защитить его отъ «нападковъ» Тредіаковского, въ коихъ послѣдній отзывается «весьма презрительно» о мозаикахъ Ломоносова. И проситъ онъ столь настойчиво, что Шуваловъ («раздражаясь»,

какъ сказано въ авторской ремаркѣ) восклицаетъ: «Что же, повѣсить его, что ли?!» Административная логика Шувалова оказывается, такимъ образомъ, выше и благороднѣе домогательствъ научно-образованнаго ума, нетерпимаго къ чужимъ мнѣніямъ.

Я не думаю, чтобы г. Половцовъ сознательно стремился въ этой сценѣ унижить Ломоносова. Но такъ написалось. И какъ написалось, такъ и вышло.

Г. Половцову, быть можетъ, покажется страннымъ, если я ему скажу, что впечатлѣніе, произведенное на меня его «Ломоносовымъ», оказалось довольно тяжелымъ и грустнымъ. О, далеко не въ томъ смыслѣ, что меня не удовлетворяетъ художественная или литературная обработка сюжета авторомъ! Тутъ я ничего особеннаго не ждалъ, и потому не могъ извѣдать разочарованія. Но именно, благодаря безстрастности, невозмутимости историка, который обнаружилъ авторъ, вопреки его намѣренію, получилась картина изъ исторіи русскаго просвѣщенія—тяжелая и безрадостная...

Ломоносовъ, безъ сомнѣнія, для своего времени былъ «разумный и великій». Онъ переросъ головою не только разныхъ «приватныхъ людей», но и дѣятелей литературы, науки и искусства, каковы были Сумароковъ, Тредіаковский и нѣмцы изъ Академіи. Что онъ долженъ былъ испытывать, цѣлую

АЛЕКСАНДРИНСКІЙ ТЕАТРЪ.



«Ломоносовъ».

Г. Давыдовъ въ роли Ломоносова.



«Ломоносовъ».

Г. Медвѣдевъ—Тредіаковскій.

въ плечико Шувалова? Испытывалъ ли онъ что-нибудь, похожее на чувство униженности? И если не испытывалъ—а можно думать, что, пожалуй, и не испытывалъ—то въ какомъ низкомъ, даже теоретически, положеніи находилось просвѣщеніе, и какъ мало цѣнилась культура даже въ тѣхъ кругахъ, гдѣ радѣли о просвѣщеніи?

Я сейчасъ не помню, въ какой пьесѣ—чуть ли не въ «Биронѣ» покойнаго Борисова—я видѣлъ сцену великаго униженія, которому былъ подвергнутъ Тредіаковский. Сцена носила явно комическій характеръ. И точно, кругомъ всѣ хохотали. Мнѣ же было стыдно, какъ-то совѣстно, досадно, и казалось, что краска заливаетъ мое лицо. Потому что—кто бы ни былъ Тредіаковскій и каковъ бы онъ ни былъ, и все равно, когда онъ ни жилъ—онъ все-таки былъ предокъ, предтеча, родоначальникъ русскаго просвѣщенія, напечатанной гражданскимъ алфавитомъ. И во-вторыхъ, жалкій и бездарный, авторъ глупыхъ римовъ и преподаватель двусмысленной

элоквенции, онъ былъ все-же настоящий Гораций и Квинтилианъ, въ сравненіи съ тѣми, кто его унижалъ и третировалъ. Люди досаждаютъ и злятся, когда ихъ производятъ отъ обезьяны. Все равно, что это было въ доисторическій, диллювіальный или мѣловой, или какой тамъ еще, періодъ. Но досадно. И такъ точно досадно всякому дѣятелю литературы или науки, у котораго ничего нѣтъ, кромѣ сознанія того, что онъ учитъ другихъ, его же ничему «публика» научить не можетъ,—что поднимали палку на Тредіаковского люди, безконечно болѣе невѣжественные, нежели онъ, а Ломоносовъ цѣловалъ плечико Шувалова, не потому, что это плечо было Франклиново, но потому, что плечо было вдѣто въ богато-расшитый рукавъ. Палка, бывшая Тредіаковского, была все-таки питу, и какъ ни ничтоженъ Тредіаковский, палка все же его ничтожитъ...

Г. Половцовъ, повидимому, ничего не «выдумывалъ изъ головы». Точность данныхъ и отсутствіе произвольныхъ уклоненій — являютъ несомнѣнное достоинство его труда. Поэтому я ему на-слово вѣрю, что сцена третьяго акта между Сумароковымъ, Тредіаковскимъ и Ломоносовымъ — исторически не только вѣроятна, но и достоверна, хотя по концепціи она очень напоминаетъ споръ грамматиковъ въ «Les femmes savantes» Мольера. Шуваловъ говоритъ матери: «Пускай они тутъ побесѣдуютъ втроемъ. Я очень люблю, когда они спорятъ. Они всѣ трое другъ друга терпѣть не могутъ и выходятъ всегда очень *весело*. Они всѣ пишутъ по разному и тотчасъ-же сцѣплятся». Дѣйствительно, когда сходятся Сумароковъ, Тредіаковский и Ломоносовъ, то ловко поставленный Шуваловымъ вопросъ поднимаетъ бурю, и въ концѣ концовъ, Ломоносовъ, становясь въ позу, кричитъ:

Языка нашего небесна красота
Не будетъ никогда поправа отъ скота!

И затѣмъ собирается уйти, прибавляя «раздраженно и гордо»: «а я не токмо у стола знатныхъ господъ или у какихъ земныхъ владѣтелей дуракомъ быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога!» Шуваловъ останавливаетъ его и говоритъ:



Г. Рафаэль Адельгеймъ.
«Гдѣ мои ноги?» («Двѣ страсти»).
(Шаржъ).

«Михайло Васильевичъ! Я пошутилъ». На что Ломоносовъ замѣчаетъ: «Вамъ все шутки, ваше превосходительство! Дай-то Богъ, чтобы побольше стало на Руси русскихъ ученыхъ, кои бы не зависѣли ни отъ нѣмцевъ, ни отъ баръ, не во гнѣвъ вамъ будь сказано!»

Это — единственное мѣсто въ сценахъ г. Половцова, гдѣ Ломоносовъ говоритъ «раздраженно и гордо» и являетъ нравственное свое превосходство надъ «покровителемъ просвѣщенія», qui s'amuse, который, ради удовольствія своего, «стравиливаетъ» ученыхъ и литераторовъ, какъ бойцовыхъ пѣтуховъ, находя, что это очень «весело». Къ сожалѣнію, на первомъ представленіи «Ломоносова» этой сцены — этой лучшей сцены — не было. Почему она была пропущена — я не знаю. Что достигается тѣмъ, что сцена эта урѣзана? Шувалову не дана возможность оправдаться въ своей «злой шуткѣ», и если кому дорога память Шувалова, какъ основателя московскаго университета, тотъ долженъ согласиться, что безъ финальнаго примиренія и извиненія, Шуваловъ со своею шуткою, превратившею «разумнаго и великаго» Ломоносова въ шута горохового, стоитъ немногимъ выше кабинетъ-министра Артемія Волинскаго, дубасившаго палкою Тредіаковского. А кому дорога память Ломоносова — думается же, что образъ этого холмогорскаго мужика, предтечи «многихъ славныхъ изъ народа», дорогъ всѣмъ и каждому — тотъ со стѣсненнымъ сердцемъ уйдетъ изъ театра, потерявъ уваженіе къ своему герою, обиженный за него, за науку, за литературу.

Причину урѣзки этой сцены слѣдуетъ искать не какихъ либо внѣшнихъ обстоятельствахъ, но въ томъ, что либо г. Половцовъ, вообще, отнесшійся довольно безразлично къ внутренней драмѣ своего героя, равно какъ и къ его апофеозу, не придавалъ существеннаго значенія сценѣ, которая весьма существенна, либо въ той беззаботности режиссерской части, которая, доведя до высшей степени совершенства «громы» и «молніи», мебель и бутафорію, пустяки и побрякушки, къ сожалѣнію, нерѣдко теряетъ чувство художественной и идейной полноты разыгрываемыхъ пьесъ. Дѣйствительно, надо обладать совершенно особою схоластическою способностью видѣть пустяки (помните у Щедрина: «око у него было недреманное, и видѣлъ онъ имъ одни пустяки»), чтобы въ сценахъ, столь небогатыхъ психологическимъ содержаніемъ, какъ «Ломоносовъ» г. Половцова, не воспользоваться финаломъ 3 акта, дающимъ опредѣленную окраску всей эпохѣ и примиряющимъ до извѣстной степени зрителя съ цѣлованіемъ плечика, которому предавалась «разумная и великая», наука, въ лицѣ богатыря — Ломоносова.

За то какъ поставленъ «маскарадъ» 4 акта! Какою добросовѣстною археологическою скукою вѣетъ отъ ряженныхъ и замаскированныхъ по гравюрамъ и эстампамъ того времени! Но чтобы нанять статистовъ, одѣть ихъ, расположить по бокамъ кулисъ, развѣсить фонари и пр., имѣя на все это средства, — развѣ нужно много ума или таланта или изобрѣтательности? Ну, танцовала коза въ сарафанѣ, или вакханка вокругъ «Бакхуса», а смыслъ «Ломоносова», тотъ единственный смыслъ, который заключенъ въ этихъ сценахъ, — онъ все-таки утраченъ... Великій мужъ обращенъ въ шута и игральщика знатнаго барина...

Таково впечатлѣніе всей постановки. Г. Давидовъ, со своимъ добродушно-тяжеловатымъ и сытымъ видомъ, столь мало соотвѣтствующимъ представленію о мощномъ тѣломъ и духомъ Ломоносова, г. Аполлонскій со своею хлыщеватостью, молодежавостью и

нѣкоторую, на челѣ его начертанною «беззаботностью насчетъ литературы», въ роли Шувалова, и наконецъ, г-жа Стрѣльская, неподражаемая сваха Островскаго, въ роли «первой кураторши московскаго университета» — все это можно было бы принять за злую насмѣшку надъ зарею русскаго просвѣщенія...

А. К — ль.



Михіатюры.

I.

О погодѣ.

Въ ранней юности, я былъ сильно влюбленъ. Не только она, но и всѣ ея родные и знакомые рисовались моему воображенію особенными людьми, и я ихъ всѣхъ любилъ, боялся и уважалъ. Въ прекрасный лѣтній вечеръ я вышелъ отъ знакомой дамы, которая жила противъ ихъ дома. Вижу ея сестру; идетъ, смѣясь, вмѣстѣ съ Марьей Михайловной къ подъѣзду; всегдашній, волнующій комокъ приливаетъ къ сердцу; спѣшу имъ навстрѣчу. Чувствую, что лицо мое и весь я напряженные, ненатуральные. Не хочу себѣ сознаться, но, въ глубинѣ души понимаю, что онѣ это видятъ. Онѣ сдерживаютъ оживленіе и ждутъ, что я скажу. А погода была прекрасная... Я и сказалъ: «какая прекрасная погода». Обѣ прыснули со смѣху, и шмыгъ въ подъѣздъ, не произнеся ни единого слова. Мое положеніе!

Какая коварная тема — эта погода, даже когда только заговоришь о ней...

И все-жъ таки: какая сегодня прекрасная погода!

Чистый, бѣлый снѣгъ, морозно, но не очень и много солнца. Изъ трубъ валитъ дымъ, и въ ясномъ, свѣжемъ воздухѣ — онъ растилается спокойно и съ какой-то особенной чуть-чуть меланхолической выразительностью и прелестью. Я нѣсколько разъ спрашивалъ себя, почему мнѣ такъ нравится (и не мнѣ одному) дымъ изъ трубы въ ясный морозный день — особенно по утрамъ? Я нашелъ этому двѣ причины: молочно-сѣрый цвѣтъ дыма гармонируетъ съ бѣлизной снѣга и свѣтло-свѣтло голубовато-сѣрымъ небомъ, а затѣмъ — онъ вызываетъ представление о топящейся печкѣ, о теплѣ; и это такъ пріятно въ холодный день.

Отъ бѣлаго снѣга чувствуюсь себя чисто, бодро.

Я и проснулся сегодня съ ощущеніемъ чего-то свѣжаго, пріятнаго, здороваго. И еще не поднявъ темной шторы, я рѣшилъ, что сегодня блестящій, снѣжно-морозный день, ибо это чувство радости безъ причины мнѣ уже было знакомо — значить сухо и солнечно.

Потому-ли, что я люблю Петербургъ, или потому, что это на самомъ дѣлѣ такъ, но красота зимы въ Петербургѣ кажется мнѣ особенно восхитительной. Петербургскія постройки — тѣ, которыя хороши, — дворцы, церкви, театры — какъ будто вдохновлены поэзіей ея зимы, и потому красота ихъ тогда только и видна. Нѣкоторая сухость линий, какъ будто строгость, но есть и благородство, — если хотите, — барственность — и изящество. Точно стройная дѣвица изъ аристократическаго дома съ англійской манерой держать немного слишкомъ прямо свой станъ, съ гордо прищуренными, но добрыми русскими глазами. Хорошъ Петербургъ въ такіе дни не только своими постройками. Хороши тогда и

его обитатели. На каждомъ лицѣ читаешь милое выраженіе довольства на специально-петербургскій, специфически-петербургскій ладъ. Характеръ его можно бы, пожалуй, такъ опредѣлить: «ну, вотъ видите, не такъ уже плохо. Не такъ уже скверенъ петербургскій климатъ. Но и очень-то тоже не увлекайтесь. Это, вѣроятно, не надолго. Возможно, что черезъ полчаса полетѣт дождикъ. А хорошо! Прелесть, прелесть... думаемъ сегодня прокатиться на Крестовскій. Не присоединитесь-ли?»

Упрекаютъ петербуржцевъ въ сухости, въ недостаткѣ способности къ увлеченію, въ недовѣрчивости. Это правда. Но за то онъ напрактиковался въ умѣніи держать въ рукахъ свои расшатанные нервы, и потому даже при очень большихъ невзгодахъ, онъ не теряется въ концѣ и не распускаетъ «нюнь». А затѣмъ онъ помнитъ, что бываютъ — правда рѣдко, чертовски рѣдко — но все-таки бываютъ и прекрасные, чудные дни.

Все веселитъ. И скрипъ полозьевъ саней по снѣгу. И быстрый бѣгъ лошадей; оживленное попуканіе ихъ ваньками. И дворники, посыпающие «песочкомъ» троттуары. Кажется, что свѣжее, бойкое настроеніе обуюло все живущее, двигающееся, издающее звукъ, имѣющее цвѣтъ. Снѣгъ, воздухъ даже пахнутъ бодро, пріятно.

Встрѣтился господинъ съ сѣдой бородкой, медленно шагающій по троттуару и потягивающій сигару. Въ выраженіи его лица мерещится наслажденіе, доставляемое ему дымомъ сигары, вкусъ которой долженъ различаться особенно тонко и остро въ прозрачномъ воздухѣ. И еще кажется почему-то, что такой субъектъ мѣсяцами сиднемъ — сидѣлъ у себя въ комнатахъ и только сегодня вышелъ на свѣжій воздухъ, на солнышко. И когда вышелъ, то первое, что онъ сдѣлалъ — сладко и долго потягивался и пріятно жмурился на солнечный свѣтъ. Ему осталось жить немного лѣтъ, немного дней, немного секундъ, и потому онъ тягуче и осторожно передвигаетъ ноги, медлителенъ каждый его жестъ, точно онъ боится расплескать единую каплю изъ остатка, на самомъ доньшкѣ, — сладчайшей чаши жизни.

II.

Новый цвѣтокъ.

Не могу припомнить, ѣхалъ-ли я тогда одинъ, или съ ней. Но хорошо помню, что, когда я уви-
дѣлъ въ окнѣ магазина этотъ высокій, большой,



Г. Яновъ въ «Фринѣ».
(Шаржъ А. Любимова.).

даже огромный—красный, неизвѣстный мнѣ цвѣтокъ, у меня промелькнула мысль, что хорошо бы послать такихъ цвѣтовъ ей.

Въ сочельникъ я работалъ много и съ удовольствіемъ. Приятно было доканчивать работу передъ праздниками, приятно было сознание, что предстоятъ два дня законнаго бездѣлія. А потомъ я вышелъ на улицу. Предстояло купить кое-что, и я собирався также зайти въ этотъ магазинъ на Л... послать ей нѣсколько такихъ цвѣтковъ съ письмомъ. Письмо уже дома написалъ; его все равно надо было бы отправить—тамъ есть пріятное извѣстіе по одному ея дѣлу.

Было часа четыре по полудни. Я замѣтилъ, что наканунѣ большихъ праздниковъ—Рождества, Нового года, Пасхи—въ Петербургѣ почти всегда скверная, сырая погода. По плохой, въ конецъ измѣзжанной дорогѣ кони, возницы и озабоченныя хозяйки выбиваются изъ силъ съ еще болѣе рельефной нервной мучительностью, чѣмъ бы это налагалось для такого хлопотливаго и спѣшнаго дня, какъ канунъ великаго праздника.

Съ большимъ искусствомъ я переходилъ улицу, перепрыгивая съ одной кочки нарастающаго снѣга на другую.

Я сдѣлалъ покупки; пѣшкомъ прошелъ въ цвѣточный магазинъ. Всю дорогу боялся, не проданы ли цвѣты. И не совсѣмъ-то навѣрно я зналъ, въ какомъ магазинѣ я ихъ видѣлъ.

Но, слава Богу, они не проданы, стоятъ въ окнѣ, въ простой стеклянной узкой вазѣ. Они показались мнѣ теперь такими же эффектными, какъ въ первый разъ, также годными выразить то, что я хотѣлъ сказать посылкой ихъ. Если это выразить словами: во-первыхъ—что я испытываю къ ней новое, не шаблонное чувство (я люблю цвѣты, а этого сорта въ Петербургѣ еще не видалъ), во-вторыхъ, что въ моемъ чувствѣ есть красочность, сила и размѣръ—больше обыкновеннаго (цвѣтокъ былъ, какъ я уже сказалъ, на рѣдкость большой), что въ немъ есть эффектъ.

Полученіе цвѣтка будетъ для нея совершенной неожиданностью. Стѣсняясь мужа, дѣтей—я ей еще цвѣтовъ не посылалъ. Но на Рождество—можно.

Она обрадуется, и это украситъ ей праздникъ. А къ цвѣтамъ будетъ приложено письмо съ пріятнымъ для нея извѣстіемъ. Все вмѣстѣ вызоветъ у нея теплое чувство ко мнѣ и опоэтизируетъ меня въ ея воображеніи.

Я вошелъ въ магазинъ. Приказчикъ снялъ съ окна цвѣты и показалъ мнѣ ихъ. Вблизи они оказались еще лучше. Онъ говорилъ, что это новость, впервые полученная изъ Италіи. Огромный цвѣтокъ имѣлъ въ глубинѣ точно гнѣздо жучковъ—«Божьихъ коровокъ». «Настоящая бирюза», восхищался приказчикъ, нагибая вазу ближе къ моимъ глазамъ; а кругомъ свѣтло-бирюзовыхъ жучковъ «лепестки» — похожіе на большія, красныя перья: весь цвѣтъ былъ размѣрами въ очень большой цвѣтокъ подсолнуха; «каждый цвѣтокъ мы продавали по 3 рубля, но уже всѣ распродали; въ тотъ же день какъ получили, распродали всѣ». «Какъ распродали всѣ? А эти? Эти тоже всѣ проданы; онѣ оставлены только у насъ до завтра». Мое сердце сжалось острою болью. «Но мы ихъ еще получимъ къ новому году».

Я просилъ уступить мнѣ хоть одинъ цвѣтокъ, но оказалось, что этого нельзя было сдѣлать; они всѣ проданы. Почему-то я спросилъ, одинъ-ли покупатель ихъ взялъ? оказалось, что да—всѣ ихъ купилъ вчера какой-то господинъ. Когда вчера? вечеромъ.

А я проѣзжалъ мимо магазина около 4—5 часовъ дня. Значитъ—раньше, чѣмъ ихъ купили.

На Л... былъ еще одинъ хорошій магазинъ цвѣтовъ. Тамъ тоже бываютъ рѣдкіе экземпляры. Я пошелъ туда.

Мнѣ предложили прекрасныя цвѣты—Calla. Они поразительной, снѣжно-лебединой бѣлизны. Цвѣтокъ бѣлый весь, только изъ середины выступаетъ тычинка, покрытая желтой пылью, но это еще болѣе отдѣняетъ прекрасную бѣлизну. Торговецъ рекомендовалъ его также и за то, что онъ, на его взглядъ «декадентскій цвѣтокъ». Это опредѣленіе, дѣйствительно, шло къ нему. Извилистая линия, изящный изгибъ, но ни разъ не переходящій въ опредѣленное круглое. Я представилъ себѣ корзину съ Calla (торговецъ совѣтовалъ послать ихъ въ корзину; у него имѣлись только срѣзанные цвѣты, но онъ увѣрялъ, что оно будетъ хорошо такъ—въ корзину, причемъ вмѣсто земли туда кладутъ мохъ). Было бы очень красиво. Ей понравится...

Но я все-таки колебался. Торговецъ показалъ мнѣ еще другіе, красныя. Затѣмъ совѣтовалъ послать вмѣстѣ: Calla и бѣлыя хризантемы. Нѣтъ, Хризантемъ то я ни за что не хотѣлъ.

Я долго, до неприличія, до неловкости передъ торговцемъ колебался. И чѣмъ больше я колебался, тѣмъ мнѣ становилось непріятнѣе. Нервы совсѣмъ расшалились. Я началъ испытывать чуть-ли не сердечную боль. Но потомъ что-то рѣшительное подступило къ сердцу, и оно подсказало, что не нужно ничего покупать. Такъ я и ушелъ изъ магазина.

На улицѣ мнѣ стало легче. Выйдя изъ перваго магазина, я, было, подумалъ зайти въ другіе, еще поискать какихъ-нибудь не очень ужъ примелькавшихся цвѣтовъ. А теперь я рѣшилъ, что этого не стоитъ дѣлать.

Огромнаго италіанскаго цвѣтка я навѣрное нигдѣ не найду, а нуженъ этотъ. Онъ родилъ желаніе послать его ей. Я во-время желанія не исполнилъ—въ тотъ первый моментъ, когда цвѣтокъ мелькнулъ мимо меня въ окнѣ магазина. «Этотъ» моментъ прошелъ, я его потерялъ. «Этотъ» цвѣтокъ для меня тоже потерянь—на сейчасъ—его купилъ другой. Мое желаніе было—послать ей «этотъ» цвѣтокъ. Съ невозможностью исполнить его такимъ, какимъ оно родилось и выросло—теряется его смыслъ, его жизнь. Для своего существованія, очевидно, все нуждается въ извѣстныхъ условіяхъ времени, мѣста и проч.; когда ихъ нѣтъ—оно умираетъ. Его тогда надо оставить.

Послать ей какіе-то другіе цвѣты вмѣсто *этого*—было бы мѣртва-рожденнымъ, не нужнымъ поступкомъ, по крайней мѣрѣ, для меня, такъ какъ мое желаніе умерло. Но, вѣроятно, случилось-бы, что, такъ или иначе, и для нея это стало бы не нужно и можетъ быть, непріятно.

Письмо я отправилъ по почтѣ. С. Сутугинъ.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

КОВНА. Съ первыхъ чиселъ декабря на сценѣ городского театра играетъ драматическая труппа Надлера, предполагавшаго закончить у насъ зимній сезонъ. Неожиданная кончина 9 января отъ гангрены антрепренера Ѳ. И. Надлера, конечно, повліяла на дѣло. Былъ моментъ, когда дѣло едва не прекратилось, но содѣйствіе со стороны городской администраціи и умѣлое отношеніе къ дѣлу режиссера г. Корсакова, принявшаго за болѣзнь покойнаго антрепренера бразды правленія, повели къ основанію товарищества подъ управленіемъ г. Корсакова. Въ составъ товарищества вошли слѣдующія лица: г-жи Потоцкая, Боброва, Каменская, Поварго, Красова, Каширина, Яковлева, Любимова, Попова, гг. Корсаковъ, Воробецъ-Сперанскій, Нар-

скій, Рудзевичъ, Лунинъ, Вольскій, Бернаръ, Покровский и Фюреръ.

Материальныя условія, на которыхъ основалось товарищество, заслуживаютъ вниманія, такъ какъ главнымъ образомъ имѣлось въ виду обезпеченіе каждаго на случай его внезапнаго отъѣзда или болѣзни; съ каждаго спектакля по предположенію городской полиціи удерживается 10% въ запасный сезонный фондъ товарищества; кромѣ того 75 рублей, изъ каковой суммы уплачиваются расходы по спектаклю. Жалованье получаютъ по маркамъ.

Разсматривая декабрьскій репертуаръ, нельзя не упрекнуть антрепризу за излишнее стараніе угодить національнымъ вкусамъ и совершенное отсутствіе новыхъ пьесъ. Громкія фразы «Фанатика» срывали громъ аплодисментовъ галерочной публики, состоявшей чуть ли не исключительно изъ евреевъ, но былъ и диссонирующий шумъ. Необходимо, чтобы въ репертуаръ товарищества, хотя изрѣдка, появлялись новинки, что, мнѣ кажется, благотворно отразится и на сборахъ. Не могу также не обратить вниманіе режиссера на не всегда удачную раздачу ролей, поздній выборъ пьесъ для постановки, что отзывается въ исполненіи.

Материальное положеніе труппы въ декабрѣ было не завидное. На праздникахъ дѣла улучшились. Четыре спектакля, поставленныхъ труппой для солдатъ гарнизона Ковны дали около 260 руб. сбора, кромѣ того въ Народномъ домѣ 5 спектаклей, давшихъ около 300 рублей.

НОВОЧЕРКАССКЪ. Съ 8 по 22 декабрѣ въ новочеркасскомъ театрѣ было 9 опереточныхъ спектаклей, прошедшихъ съ очень хорошимъ материальнымъ и незавиднымъ художественнымъ успѣхомъ. Опереточная труппа, очевидно, составлена г. Крыловымъ среди сезона, главнымъ образомъ, изъ артистовъ, оставшихся почему-либо безъ ангажемента и не только не сыгравшихъ между собою, но даже едва-ли ранѣе извѣстныхъ режиссеру (М. А. Полтавцевъ) и капельмейстеру (М. Н. Меджевитенко). При такихъ условіяхъ объ ансамблѣ, разумѣется, не могло быть рѣчи. Въ малочисленныхъ хорахъ, мужскомъ и женскомъ, не было замѣтно ни хорошихъ голосовъ, ни даже знанія партій. Изъ отдѣльныхъ исполнителей хорошимъ успѣхомъ пользовались лишь извѣстный теноръ г. Дальскій и комич. старуха г-жа Разказова. Всѣ остальные далеко не казались принадлежащими къ лучшимъ представителямъ своей профессіи, благодаря крупнымъ дефектамъ то со стороны внѣшности, то со стороны голосовыхъ средствъ или умѣнья владѣть ими. Тѣмъ не менѣе, повторяю, всѣ оперетки, избитыя и заигранныя при этомъ, дали хорошіе сборы, несмотря даже на конецъ «мертвца» сезона. Причину такого явленія я вижу въ томъ, что публика наша положительно недовольна составомъ драматической труппы текущаго сезона и въ особенности репертуаромъ, котораго пришлось держаться антрепризѣ изъ-за такихъ гастролеровъ, какъ М. М. Петипа и Ѳ. П. Горевъ. Эти почтенные артисты, принесъ намъ съ собою давно пропалывенны въ театральномъ мѣрѣ имена и сундуки съ собственными пьесами, выказали и выказываютъ полную неспособность не только первенствовать въ пьесахъ современнаго репертуара, но даже явное нежеланіе работать надъ новыми ролями. А между тѣхъ участіе этихъ «слишкомъ» дорогихъ для провинціальной труппы артистовъ не могло не отозваться на составѣ текущаго сезона, такъ какъ антрепренеръ естественно не пожелалъ выйти изъ бюджета... Приходится горько сожалѣть о тѣхъ сезонахъ, когда у насъ первенствовали не почитающіе на лаврахъ, а молодые, энергичные, алчущіе новыхъ большихъ и трудныхъ ролей артисты—каковы, напр., г. Соколовскій, Соколовъ, Двинскій, Каширинъ, Лепковскій, Петровъ-Кравскій... Къ числу ихъ я бы отнесъ и г. Васильева, если бы онъ до извѣстной степени не «спасовалъ» нынѣ передъ гастролерами, а продолжалъ бы настойчиво работать и... освѣжалъ бы свой гардеробъ, безусловно не пригодный для ролей любовниковъ и свѣтскихъ молодыхъ людей.

Въ послѣднее время въ труппу нашу переведенъ изъ Ростова г. Добровольскій, артистъ, повидимому, довольно опытный и талантливый, съ отличнымъ гардеробомъ, но съ недостаточнымъ «темпераментомъ» и голосомъ, переходящимъ зачастую въ досадное для любовника-героя сопрано.

Для усиленія женскаго персонала къ намъ переведена изъ Ростова окончательно г-жа Васильчикова и по временамъ пріѣзжаютъ г-жи Рошина-Инсарова и Карелина-Райчъ.

Г-жа Рошина-Инсарова, принявъ между прочимъ участіе въ пьесѣ «Холостая семья», такъ прекрасно исполнила роль Люксъ, что живо напомнила намъ, старымъ театраламъ, незабвенную для Новочеркасска игру своего славнаго покойнаго отца. Впрочемъ, пьеса эта оказалась настолько по силамъ нашей труппы, что сыграна была съ безукоризненнымъ ансамблемъ, весело, оживленно и доставила публикѣ несравненно больше удовольствія, чѣмъ многія другія безусловно лучшія по содержанію пьесы.

МАТОВЪ. Сообщая весь репертуаръ драматической труппы В. Э. Мейерхольда и А. С. Кошевцова съ открытія сезона, т. е. съ 22 сентября: «Смерть Іоанна Грознаго» гр. А. Толстого (5 разъ), «Три сестры» Чехова (4 раза), «Чайка» Че-

хова (4 раза). «Потонувшій колоколъ» Гауптмана (4 раза), «Смерть и Жизнь» Ришпена (4 раза), «Гибель Надежды» Хейерманса (4 раза), «Мѣщане» Горькаго (3 раза), «Дядя Ваня» Чехова (3 раза), «Женитьба Бальзамина» (4 раза), «Дѣти Внѣшнина» Найденова (2 раза), «Ивановъ» (2 раза), «Геншель» (2 раза), «Сильные и Слабые» Тимковскаго (2 раза), «Миссъ Гобсъ» (2 раза), «Школьные товарищи» (2 раза), «Женитьба Бѣлугина» (2 раза), «Одинокіе» (2 раза). По одному разу: «Таланты и поклонники» Островскаго, «Пчела и Трутни» Трофимова, «Въ царствѣ скуки» Тальерона «Комета», «Золото», «Ночи Безумныя», «Да здравствуетъ жизнь», «Золотое Руно», «Тереза Ракенъ», «Цѣна Жизни», «Власть тьмы», «Честь», «Счастливый день», «Бой бабочекъ», «Дикая утка», «Поздняя любовь», «Симфонія», «Благодѣтели челоуѣчества», «Каширская старина», «Счастіе въ уголкѣ», «Василиса Мелентьева», «Безъ солнца», «Волшебная сказка». Исполненіе тщательное, художественное. Въ Херсонѣ ничего подобнаго еще не бывало. Трудно выдѣлать кого-либо изъ общаго ансамбля. Наибольшаго вниманія заслуживаютъ г-жи Будкевичъ, Мунтъ, Нарбекова, г.г. Мейерхольдъ, Кошевцовъ, Смигиревъ, Лазаревъ, Блюменсбергъ, Пѣвцовъ, Костромской.

Материальныя успѣхъ труппы очень большой. Особенно хороши сборы были въ декабрѣ.

И. Р.—ч.

ОРЕЛЬ. Странно каждому покажется, что близко не знаетъ нашей мѣстной интеллектуальной жизни вообще, и дѣятельности нашего попечительства о народной трезвости въ частности, если ему сказать, что маленькій нашъ уѣздный городъ. Кромѣ опередилъ на этомъ пути свой большой губернской городъ Орель. Въ Кромахъ попечительство о народной трезвости уже исходатайствовало себѣ у правительства 10,000 рублей на постройку народнаго дома, постройки котораго и начнется съ ранней весны и очень можетъ быть, что къ осени онъ будетъ готовъ и въ немъ начнутся уже народныя чтенія и спектакли, а у насъ попечительство о народной трезвости все еще собирается ходатайствовать о субсидіи для постройки народнаго дома 50,000 рублей. Въ Кромахъ же и теперь въ одномъ изъ городскихъ училищъ устраиваются спектакли по праздникамъ. Да не только въ Кромахъ, но и въ уѣздѣ ихъ во многихъ селахъ устраиваются спектакли, причемъ исполнителями являются сами крестьяне. Эти маленькіе импровизированные театрики охотно посѣщаются, вѣрнѣе бывающія биткомъ набиты крестьянской публикою. Устраиваются всѣ онѣ благодаря энергіи и серьезной заботливости председателя кромской уѣздной земской управы С. И. Соколова. Нельзя также не обратить вниманія и на то, что спектакли исполняются не въ простыхъ комнатахъ и что для нихъ имѣются декорации, сдѣланныя С. И. Соколовымъ.

Въ вѣчномъ городскомъ театрѣ играетъ драматическая труппа С. И. Томскаго, лучшими силами въ труппѣ можно считать гг. Рѣшимова, Пеняева, г-жъ Анненскую и Лярову. Изъ новыхъ пьесъ прошли «Смерть и жизнь», «Камо грядеши», «Монна Ванна», «Фрина» и др. Обстановочныя пьесы отличаются хорошими декорациями. Продолжаетъ привлекать публику «Джентльменъ» съ С. И. Томскимъ въ роли Рыдлова.

М. Н.—скій.

РЯЗАНЬ. 26 декабря въ городскомъ театрѣ начались спектакли драматической труппы З. А. Малиновской. Труппа небольшая: г-жи Петипа, Снѣжина, Мальская, Милина, Лещинская, Алинская и др., гг. Поплавскій, Каренинъ и Осиповъ. Праздничный репертуаръ состоялъ изъ пьесъ, большею частію, не шедшихъ въ Рязани; «Фея—капризъ», «Лишній правъ», «Холостая семья», «Миссъ Гоббсъ», «Безъ солнца», «Во дворѣ во флигелѣ», «Хлѣба и зрѣлищъ», «Дѣти Ванюшина», «Безправная». Г-жа Снѣжина обладаетъ непринужденностью, изящной фигурой и туалетами. Г. Каренинъ актеръ, не лишенный разнообразія. Г-жа Петипа показала себя опытной артисткой въ «Миссъ Гоббсъ». Г. Поплавскій старый знакомый Рязани. 9 и 10 января гастролеровалъ М. В. Дальскій.

Д. К.

РЕПЕРТУАРЪ

С.-Петербург. Императорскихъ театровъ.

Въ Александринскомъ театрѣ. 20-10 января: «Ломоносовъ». 21-10: «Побѣда». 22-10: «Ломоносовъ». 23-10. Бенефисъ М. Г. Савиной, въ 1-й разъ: «Вопросъ». 24-10: «Чайка». 26-10: Утромъ, спектакль для учащейся молодежи «Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій». Вечеромъ: «Воспитатель Флакманъ».

Въ Михайловскомъ театрѣ. 20-10 января: «Les folies dramatiques», «Grasse matinée». 21-10: «Les deux écoles». 22-10: «Les folies dramatiques». 23-10: «Les deux écoles». 24-10: «Зарница». 25-10: «Bénéfice de M-r Pau Roney «Le marquis de Priola». 26-10: «Le marquis de Priola».

Въ Маріинскомъ театрѣ. 20-10 января: Въ 1-й разъ: «Гибель боговъ», оп. Р. Вагнера. 21-10: «Евгеній Онегинъ». 22-10: «Корделія». 23-10: «Дубровский». 24-10: «Фаустъ». 25-10, Утромъ: «Пиковая дма». Вечеромъ: «Лебединое озеро».

О В Ъ Я В Л Е Н І Я.

Разрѣшено С.П.Б. Столичнымъ Врачебнымъ Управленіемъ на общіхъ основаніяхъ о торговлѣ, какъ не содержащее въ составѣ своемъ вредныхъ здоровью веществъ.

МИНДАЛЬНЫЙ КРЕМЪ

ГОЛЛЕНДЕРЪ
(Crème d'amandes)

вмѣсто мыла для мытья лица и рукъ, замѣняющій мыла и миндальныя отруби, рекомендуется всѣмъ лицамъ, имѣющимъ вѣжную и раздражительную кожу, не выносящую мыла. Миндальный кремъ никогда не портится. При употребленіи крема, лицо надолго сохраняетъ свою вѣжностъ и свѣжесть. Банка въ 30 к. 60 к. и 1 р. Продаются во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ Россіи. Остерегаться поддѣлокъ и подражаній! Торговый домъ „Парфюм. Лабораторія І. ГОЛЛЕНДЕРЪ“: С.П.Б., Развѣзжая, 13.

RUSSISCHER VERLAG, BERLIN.

W. Leibnizstr. 18

принимаетъ пьесы русскихъ авторовъ для перевода на нѣмецкій языкъ и постановки на нѣмецкихъ сценахъ, предлагаетъ русскимъ сценамъ новинки нѣмецкихъ театровъ въ рукописи, до постановки ихъ въ Берлинѣ, сообщаетъ всѣ свѣдѣнія о готовящихся новинкахъ и краткое содержаніе ихъ. 1—1

ПОСЛѢДНЯЯ НОВОСТЬ ПАРИЖА

брюшной

КОРСЕТЬ
„ГИГИЯ“.

Скрадывая своимъ нормальнымъ покроємъ полноту, онъ въ то же время радикально уничтожаетъ всякое къ ней расположеніе.

Придаетъ естественную грацію, элегантность и совершенно не стѣсняетъ свободу движенія.

С.-Петербургъ,
Надеждинск. ул.,
д. 3, кв. 1.



Печатается п. „Прошлое“ пер. Н. Гейнце.

Въ конторѣ журн. „Театръ и Искусство“ продаются пьесы:

„ВНѢ ЖИЗНИ“
В. Протопопова, п. 2 р. Цензур. экз. 4 р.

„НАСЛѢДНЫЙ ПРИНЦЪ“ п. 2 р.

„БЕЗЪ КОЛОКОЛЬНОГО ЗВОНА“
дѣла 2 руб.

Имѣются цензур. экз. пьесы И. Потапенко „КАМЕННЫЙ ВѢКЪ“. Ц. 4 р.

ПОМОЩНИКЪ
РЕЖИССЕРА

выполнѣ опытный, служилъ въ театрѣ Литературно-Художественнаго Общества въ С.П.Б. (сезонъ 1901/2) и другихъ С.-Петербургскихъ театрахъ, Вильявъ, Сгар-й Руссъ (2 сезона) и др. Свободенъ на Великій постъ и Пасху и зимній сезонъ 1903/4. Адресоваться С.-Петербургъ, Цербаконъ пер. д. 14 кв. 36. К. Н. Сахарову.

Fabrique de Postiches

JEAN coiffeur de Dames

Professeure de l'école Parisienne
Brèveté.

Gr. Morskaja, № 5.

5640 Téléphone 3446. 26—7

Свободенъ на зимній сезонъ

опытный помощникъ режиссера, служившій 4 сезона у Николая Николаевича Соловцова, согласенъ въ отъѣздъ куда угодно. Артистъ Дмитрій Самарскій. С.П.Б. Суворовскій пр., д. № 34, кв. 6.

КАРАМЕЛЬ

изъ травъ отъ кашля

„КЕТТИ БОССЪ“

В. Семадени, въ Кіевѣ.

Главн. складъ у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ. С.-Петербургъ, Гороховая 33.
Цѣна металл. кор. 25 к. Мал. кор. 15 к.

Продается вездѣ.

5611

13—9

ВСЕ НУЖНОЕ ДЛЯ ГРИМА

фабрик: Мотрона („Parfumerie des artistes“), Лейхнеръ, Дорена и др.

въ Центральной парфюмеріи Б. Борель
С.П.Б. Владимірская, 3, близъ Палкина.

Поставщикъ театровъ.

♦ Гг. артистамъ скидка. ♦

3—3

ЛАНДАНОВСКИЙ ТЕАТРЪ.

(Дирекція А. И. Иванова и В. А. Казанскаго).

Русская комическая опера и оперетка.

ЕЖЕДНЕВНЫЕ СПЕКТАКЛИ.

Главный режиссеръ А. Э. Блюменталь-Тамаринъ.

Главный капельмейстеръ Э. Ф. Энгель.

Начало спектаклей въ 8 ч. Касса открыта съ 10 ч. утра.

Театръ „АКВАРИУМЪ“.

РУССКО-ИТАЛЬЯНСКАЯ ОПЕРА

подъ управленіемъ Н. П. ГЛАССЪ.

3 послѣдніе спектакля ФРАНЧЕСКО МАРКОНИ

Во вторникъ, 21 января, бенефисъ Франческо Марконі, ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ: партію Ленскаго исп. въ 1-й разъ Франческо Марконі; Онѣгинъ—Маттіа Баттистини, Гремийъ—Франческо Наварини (участв. Г-жи: Орель, Макарова, Горнотъ; г. Дольчибене и др.—Въ четвергъ, 23, СЕВИЛЬСКИЙ ЦИРУЛЬНИКЪ (Воронать, Марконі, Баттистини, Наварини, Измайловъ)—Въ субботу, 24, прощальн. спект. Франческо Марконі; ГИГЕНОТЫ (Воронать, Львовская, Макарова; Марконі, Баттистини, Наварини, Сангурскій). Начало спект. въ 8 ч. веч.

Гл. капелльм. А. Варбини.

Билеты прод. въ дирекціи (Караванная, 9) съ 10—5 ч., а въ день спектакля и въ кассѣ театра съ 7 ч. в. лишь на вечерній спект. По оконч. спект. отъ Акварума отход. конки до Окружн. Суда и Михайлов. ул. (Дирек. Ф. Моревъ).

НОВЫЯ ПЬЕСЫ

„БѢДНЫИ ГЕНРИХЪ“, Г. Гауптмана, пер. Э. Э. Маттернъ и А. П. Воротникова 50 коп. „СЛѢДСТВІЕ“, въ исправленномъ переводѣ, В. Л. Биштокъ, 75 коп. и всѣ новѣйшія пьесы текущаго сезона продаются въ театральной библиотекѣ М. А. Соколовой. Москва, Тверская ул., Газетный пер., д. Фальцъ-Фейнъ.

5209

1—2

ТЕАТРЪ „ПАССАЖЪ“

Итальянская, 19.

РЕПЕРТУАРЪ съ 19-го по 25-ое Января 1903 г.

Въ Воскресенье, 19 Января 1903 г.: „ФРИНА“, пер. съ итальянскаго бар. Радосшевской.— Въ Понедѣльникъ, 20-го: „КИНЪ или БЕЗПУТСТВО и ГЕНИИ“—Во Вторникъ, 21-го: 1) „КАЗНЬ“, 2) „ОНЪ“, др. въ 1 д.— Въ Среда, 22-го: „КИНЪ“— Въ Четвергъ, 23-го: „ФРАНЧЕСКА-ДА-РИМИНИ“— Въ Пятницу, 24-го: „ФРАНЧЕСКА-ДА-РИМИНИ“— Въ Субботу, 25-го: „ФРИНА“, пер. съ итальянскаго, бар. Радосшевской.

Режиссеръ В. М. Яновъ. Дирекція О. В. Некрасовой-Колчинской.

Большой Залъ Консерваторіи.

Итальянская опера.

Въ Воскресенье, 19-го янв., въ 8 ч. в., въ абон. Венефисъ г-жи Арнольдсонъ „МИНЬОНА“. (Г-жи Арнольдсонъ, Тетрадини; гг. Мазини, Аримонди и др.). Въ Среда, 22-го января, въ 8 час. веч. пятый спектакль, второго абонементъ „ФАУСТЪ“. (Г-жи Арнольдсонъ, Томская; гг. Басси, Кашманъ, Аримонди и др.). Въ Пятницу, 24-го января, въ 8 ч. в. первый спект. перваго абонем. „ТРАВИАТА“. (Г-жи Арнольдсонъ; гг. Мазини, Джиральдони). Въ Понедѣльникъ, 20-го: въ 8 ч. в. четвертый спект. перваго абонементъ „БОГЕМА“ (г-жи Арнольдсонъ, Тетрадини; гг. Басси, Вромбара, Аримонди и др.). Въ Четвергъ, 23-го: въ 8 час. веч. въ абонементъ „ЭРНАНИ“. (Г-жи Бланкини-Капелли, гг. Басси, Кашманъ и др.). Въ Вторникъ, 21-го: въ 8 ч. в. въ абонем. „НЕРОНЪ“.

Вилеты въ кассѣ дирекціи (В. Морская, 13), ежедневно съ 10 ч. утра до 5 час. д. и въ день спектакля съ 7 час. веч. въ кассѣ театра лишь на вечерній спект. Сбереж. верхн. платья бесплатно.

Театръ-концертъ „АЛКАЗАРЪ“.

Фонтанка, 13. ☎ Телефонъ № 1968.

ЕЖЕДНЕВНО

Grand divertissement divers

Выдающийся артистическій концертъ-популяр.

Дебютъ поразительныхъ танцоровъ Лере, интернаціон. пѣв. LA JOLIE Загора, извѣстн. танцовщицы сестры Ронай, m-lle Жильбертъ, m-lle Радомска, Лиси Кичи, m-lle Демусси, Лили Бартектъ, m-lle Делиде, Тріо Бексфи, m-lle Монти-Глиано, изв. куп. г. Войцеховскаго, г-жи Маловой, г-жи Никитиной, трио Врунети, Анна Бене, г-на Александарова, квартетъ Калай, „САФЪ“, хора г-жи Болнокиной, малорусской труппы г-жи Яковлевой, оркестръ г. Штейнфелера.

ВНОВЬ ВЫСТРОЕННЫЙ (на Петербургской ст. уг. В. Зеленой ул. и Геслеровскаго).

Театръ „НЕМЕТТИ“

НА ПЕТЕРБУРГСКОЙ СТОРОНѢ.

ОТКРЫТІЕ ТЕАТРА ГАСТРОЛЯМИ

М. В. ДАЛЬСКАГО.

Въ Воскресенье, 19-го Января, представлено будетъ

← ОТЕЛЛО →

Трагедія въ 5 дѣйств. Шекспира. Роль Отелло исполнить М. В. Дальскій. Въ Понедѣльникъ, 20-го Января, представлена будетъ для 2-го выхода М. В. Дальскаго: „БЕЗЪ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ“. Драма въ 4 д., Островскаго. Роль „Незнамова“ исполн. М. В. Дальскій.

Начало въ 8 час. вечера.

Вилеты продаются на всѣ объявленные спектакли—Невскій пр., 5. Телеф. 539, въ цвѣточномъ магазинѣ Г. Герстнеръ и Краузе отъ 10 ч. утра до 6 ч. веч. и въ кассѣ театра, Пет. ст., уг. Б. Зеленой и Геслеровскаго, отъ 11 час. утра до 8 час. вечера.

В. А. Неметти.

Телефонъ 4356.

Репертуаръ театровъ СПБ. Гор. Попеч. о нар. трезвости.

Народный домъ Императора Николая II.

Репертуаръ съ 19 по 26 Января.

Въ Воскресенье, 19-го Января: днемъ, въ 1 ч. (по уменьш. цѣнамъ) въ 53 разъ „РАЗРЫВЪ ТРАВА“, фантаст. сказ. Гославскаго. Вечеромъ въ 8 час.: „АСКОЛЬДОВА МОГИЛА“, опера Верстовскаго.— Въ Понедѣльникъ, 20-го: въ 30 разъ „1812 годъ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА“, больш. обстановоч. пьеса въ 9 карт. соч. В. Крылова. Участвуютъ болѣе 300 человѣкъ.— Во Вторникъ, 21-го: „СМЕРТЬ и ЖИЗНЬ“ (Мученица), обст. драма Жана Ришпена.— Въ Среда, 22-го: „ЧАРОДѢЙКА“, опера Чайковскаго.— Въ Четвергъ, 23-го: въ 31 разъ „1812 годъ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА“, больш. обстановоч. пьеса въ 9 карт. В. Крылова. Участвуютъ болѣе 300 человѣкъ.— Въ Пятницу, 24-го: „ГАЛБКА“, опера Монюшко.— Въ Воскресенье, 26-го: днемъ, въ 1 ч. (по уменьш. цѣнамъ) въ 69 разъ „ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ“, истор. хрон. въ 13 карт., соч. В. Крылова. Вечеромъ въ 8 час.: по случаю 20-ти лѣтъ литературной дѣятельности Е. П. Карпова. Въ 1-й разъ „ТЯЖКАЯ ДОЛЯ“, драма Е. П. Карпова.

ТЕАТРЪ ОБЩЕДОСТУПНЫЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ

(б. Стеклян. зав.).

Въ Воскресенье, 19-го Января: „ДВѢ СИРОТКИ“, драма въ 8 карт.— Въ Среда, 22-го Января: „ВѢДА НЕ ХОДИТЬ ОДНА“, драма Соловьева.— Въ Пятницу, 24-го Января: въ 1 разъ „МАРІЯ СТЮАРТЪ“, трагедія Шиллера.— Въ Воскресенье, 26 Января: „ГАЙДАМАКЪ ГАРБУША“, украинская быль въ 7 карт.

Начало дневныхъ спектаклей въ 1 часть, вечерн. въ 8 часовъ.

Таврическій садъ ежедневно съ 12 ч. катокъ и снѣговыя дѣтскія горы. По четвергамъ и воскресеньямъ оркестръ музыки. Входъ 10 и 5 коп.

Въ Петровскомъ Паркѣ по воскрес. и праздн. днямъ безплат. народн. гулянья. Ежедневно катокъ, ледяныя горы, катанье на оленяхъ и собакахъ за недорогую плату.

Вр. завѣд. театр. частью режис. А. Я. Алексѣевъ.

НА СЕЗОНЪ ВЕЛИКАГО ПОСТА 1903 г.

сдается „НОВЫЙ ТЕАТРЪ“ (Мойка 61), съ 24 Февраля по 28 Марта включительно или понедѣльно, или поденно.

Объ условіяхъ справиться въ конторѣ „Новаго театра“ (Мойка № 5804 61) ежедневно отъ 1 ч. до 3 час. дня. 3—2

САРАТОВЪ,

Театръ, Концертный залъ и „Садъ Очкина“

(дирекціи Борисова и Волковитинова бывшей Тихобразова).

На предстоящій лѣтній сезонъ 1903 г. сдается лѣтній театръ гострольнымъ труппамъ перспективно, съ вечеро-вымъ расходомъ и безъ онаго.

Обращаться въ Саратовъ, „Садъ Очкиной“ къ г. Борисову. А также принимаются ангажементы отъ артистовъ и артистокъ, непосредственно, и чрезъ агентовъ.

5807

1—1

Въ г. Бѣлостокѣ

(почти 100,000 жителей)

въ загородномъ паркѣ Звѣринецъ отдается большой лѣтній театръ, помѣщающій 700 зрителей, на лѣтній сезонъ 1903 года, съ декорациями, мебелью и приспособленіями для керосинового освѣщенія, за мѣсячную аренду 600 рублей.

Адресовать: Бѣлостокъ, Дирекція Трамвая.

№ 5656.

4—4.



СКРИПКИ

Для учениковъ въ 6, 8, 10, 12, 15 и 20 р.

Для артистовъ въ 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 и до 1.000 р.

Народныя въ 2, 3 и 4 р.

СМЫЧКИ

Для учениковъ 1, 1½ и 2 р.

Для артистовъ 3, 5, 10, 15, 20, 30 и 60 руб.

Народныя въ 50 к.

Старыя скрипки въ большомъ выборѣ.

Струны, канифоль, камертоны и другія принадлежности.

Школы и ноты въ большомъ выборѣ.

Художественное исполненіе починокъ.

Юлій Генрихъ

ЦИММЕРМАНЪ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, 34. Москва, Кузнецк. м., д. Захарьина.

№ 4711

О-де-ли

Eau de Lys

БѢЛАГО, РОЗОВАГО И ЖЕЛТАГО ЦВѢТОВЪ;

всѣмъ признанное превосходное туалетное средство для мытья лица, для сохраненія свѣжести молодости и для устраненія веснушекъ и всѣхъ нечистотъ лица.

Ферд. Мюльгенсъ

КЕЛЬНЪ НА РЕЙНЪ И РИГА.

Поставщикъ Двора Его Императорск. Величест.

ТРИКОТАЖНО - ЧУ

Поставщицы Императорскихъ

5808



ЛОЧНАЯ ФАБРИКА

С.-Петербургскихъ Театровъ.

1—1

Л. ДОВОЛОВОЙ.

С.-Петербург., уг. Можайской ул. и Мало-Царскосельскаго просп., д. 40—4, кв. 10.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ТРИКО.

Вниманію Гг. аатрепренеровъ.

РЕПЕРТУАРНАЯ ПЬЕСА

Императорскаго Александринскаго театра

„ЗАРНИЦА“

Комедія въ 4 дѣйств. Соч. В. В. Тугоношенскаго.

Вышла изъ печати.

Съ требованіями обращаться: Москва, Георгіевскій пер. д. Сушкына. Театральная библіотека С. Ѳ. Разсохина.

№ 5901

1—1

ТЕАТРЪ и ПАРКЪ въ Бояркѣ (у Кіева).

Свобод. на лѣт. сезонъ. Элек. освѣщ., всевозм. декор., роскош. обст. Сборы по обык. цѣн. 500 р., бен. 700. Обр. админ. И. Л. Палюдину. Кіевъ, М. Ва-5802 сильковская 17, кв. 7. 2—2

ОМСКІЙ

театръ-циркъ свободенъ съ Великаго поста до 20 Октября 1903 года. Сдается гастрольнымъ труппамъ: оперъ, опереткъ, малороссамъ. Обращаться: Омскъ къ владѣльцу театра Петру Козьмичу Сичкареву, Мокрое, свой 5806 2—2

ВОРОНЕЖСКІЙ

зимній городской театръ сдается на постъ и Святую до 1-го Мая (желательна опера) за плату 115 руб. отъ спектакля съ слѣд. расходомъ: афиши, билеты и программы, разноска и расклейка афишъ на витринахъ, нарядъ полиціи, электрич. освѣщеніе театра и уборныхъ, отопленіе, мебель для сцены, уборка театра и сцены и весь составъ служащихъ, т. е. пять рабочихъ на сценѣ, два сторожа, электротехникъ съ двумя помощ., капельдинеры, горничная въ уборной, швейцаръ, управляющій, кассиръ и два контролера. — Лѣтній театръ „ЭРМИ-ТАЖЪ“ сдается на тѣхъ же условіяхъ (желательна оперетка). Обращаться: Воронежъ, А. А. Линтвареву.

5809

2—1

ВЪ ЮРЬЕВѢ

Лиф. губ. ПРОДАЕТСЯ конц.-театр залъ „НОВЫЙ ТЕАТРЪ“. (Кам. зданіе съ 16 помѣщ., 2 дерев. зданія, садъ; залъ на 350 чел., на сценѣ около 40 декораций, газовое освѣщеніе). Съ запросами слѣдуетъ обращаться къ владѣльцу „Новаго театра“ Іосифу Іосифовичу Змигродскому (Юрьевъ, Лифл. губ. Карловская ул. 24, Новый театръ).

№ 5654

4—4

г. ХАРЬКОВЪ.

Вновь открытый Харьковскій Малый театръ.

Свободенъ отъ антрепризы, предлагается для разовыхъ вечеровъ гастрольнымъ труппамъ и концертантамъ. Адресъ: г. Харьковъ, Малый театръ управляющему Г-ну Якушову.

5801

3—2